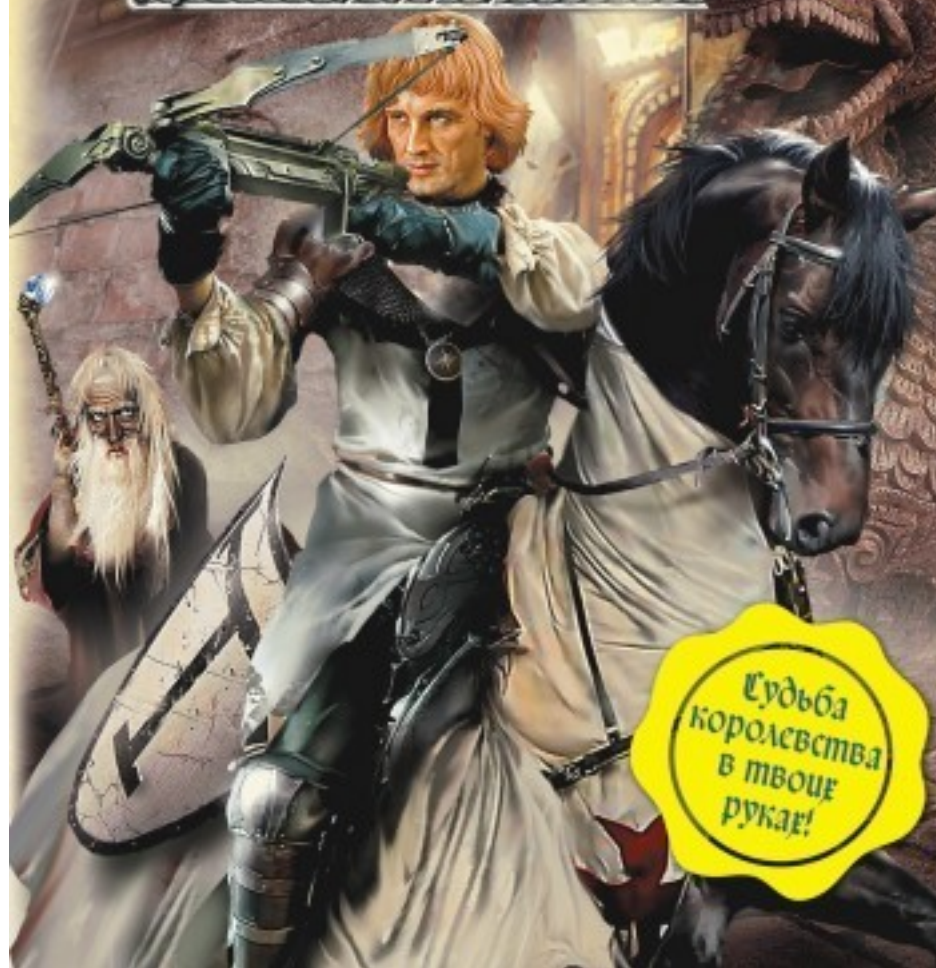

Гай Юлий Орловский

Ршч@рд

Длинные Руки —
рауиграф

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – рауграф

«ЭКСМО»

2010

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – рауграф / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2010 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-40575-6

Исполинская армия крестоносцев на могучих конях движется к границам таинственного Гандерсгейма, страны варваров, могучих магов, богатых городов и закопанных сокровищ. Впервые произойдет массивное столкновение святости и древней изощренной магии. Возникнет ли что-то новое или же обратятся в прах обе части королевства?

ISBN 978-5-699-40575-6

© Орловский Г. Ю., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – рауграф

*Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо.
Евангелие от Луки*

Часть I

Глава 1

Если можешь быть орлом, не стремись стать первым среди галок. Это правило я не то чтобы совсем забыл, но сделал вид, что ко мне не относится. Я-де занят настолько важным делом, что могу побыть даже воробьем. Вообще-то в самом деле сделал все, что планировал: владею подробной и точной картой Гандерсгейма, для чего сюда и прибыл. Плюс внепланово завязал контакты с ограми, кентаврами и троллями. Если не станут союзниками вторгшимся крестоносцам, то и с кочевниками на этот раз не пойдут – большая победа, но все-таки завяз в моем странноватом маркграфстве непростительно долго.

Это же просто Гандерсгейм, а я начал рассматривать его как совокупность королевств и чуть ли не начал стараться превращать в друзей все сто семьдесят королей. Дело вроде бы нужное и полезное, но на самом деле – дурость и трусливое бегство от серьезных проблем. К тому времени, когда принесет вассальную присягу двадцатый, первые десять уже забудут обо мне, а то и вовсе в королевствах сменится власть.

Да и вообще... сам себе страшусь признаться, что нарочито затягиваю пребывание в Гандерсгейме. Проблемки мелкие, справляюсь чуть ли не левой лапой, это в Геннегау серьезная работа, а с нею и неприятности. А уж когда выйду на берег моря и посмотрю в сторону Юга...

Мне вообще надо отсюда убираться. Мало того, что здесь драконов быют достаточно успешно, до сего момента я был уверен, что у меня абсолютный иммунитет к магии. Но тот гад сумел заставить меня подчиниться, что до сих пор бросает в дрожь. И хотя сделал это лишь потому, что я не укрепился и не взматерел в личине дракона, как бы дракон сам по себе, а я в нем сам по себе, хоть и управляю, все равно страшно и тревожно.

Сперва я ждал наступления темноты, однако прихода ночи в городе словно и не заметили: на площадях пляски и песни, в небе настолько яркие звезды, что небосвод странно зеленоватый, внизу такие же огни, только живые и теплые – распахнутых настежь харчевен, трактиров, постоянных дворов, продуктовых лавок.

Народ, вместо того чтобы спать, бесстыдно веселится, на улицах тесно, пыльно, уличные повара жарят в переносных жаровнях мясо, рыбу, подрумянивают хлеб, придавая ему хрустящую свежесть, даже сюда, на стену, доносятся игривые смешки, довольный говорок мужчин, визгливые звуки музыкальных инструментов...

Измучившись ожиданием, я в конце концов выбрался за город, где и нырнул в небольшую рощу. Вереница повозок все так же тянется к пролому в городской стене, и никто из возчиков не обратил внимания, когда над деревьями взметнулась некрупная летающая тварь и часто-часто заколотила по воздуху кожистыми крыльями.

Я поспешно взлетел повыше, пока вблизи нет охотников, всегда найдется какой-то дурак, что стреляет во все, что бежит, ползет или даже летит. Воздух на такой скорости плотнее воды, я проломился до облачного слоя и лишь там раскинул крылья, высунул язык и посмотрел вниз с таким вниманием, будто уже рассчитывал увидеть там наступающие войска крестоносцев.

Надо мной темное небо, однако далеко на востоке небо уже начинает светлеть, хотя это видно пока только мне, а внизу еще глубокая ночь. Я часто и сильно взмахивал крыльями, рассекая воздух подобно гигантской стреле из арбалета. В Орифламме драконов вроде бы нет, я в личине заурядного птеродактиля, что даже овцу не утащит, потому на таких, как я, никто не охотится, мясо жесткое и невкусное, да еще и пахнет гадко. Разве что кто из озорства пустит стрелу.

Главное я выполнил, более подробной карты нет даже у королей Гандерстейма. Все дороги, броды, переходы, мосты, переправы, опорные пункты, взаимоотношения королей с соседями – все здесь, а это и есть основа успешного и стремительного наступления.

Башни Брананта медленно выступили на темном горизонте, красиво и грозно озаренные серебряным светом луны. Я не стал ускорять полет, и когда в личине незримника опустился как можно тише на самую высокую площадку, рассвет уже потеснил тьму, а в небе вспыхнуло алым огнем первое облачко.

Так привык к драконьему облику, что даже когда перетек в личину человека, чуть не спрыгнул с башни, дурак. Вошел в роль, вжился, можно сказать. Даже когда начал спускаться по лестнице, чувствовал, как сзади волочится и стучит по ступенькам хвост, а ноги ступают несколько неуверенно, без привычной бодрости и ловкости.

На ходу с запозданием проверил, на месте ли все, особенно мой новый арбалет из Гандерстейма, перевел дыхание и с силой толкнул дверь.

Двор еще в тени, солнце даже не поднялось над краем земли, но из пекарни тянет запахом свежего хлеба, в конюшне кони всхрапывают и звучно хрустят пшеничными зернами, а в кузнице хоть и тихо, но в щели видно, как начинают разжигать горн.

Со стороны кухни важно идет, откинувшись всем корпусом назад, как беременная, прачка с корзиной грязного белья в руках. Увидев меня, вскрикнула дурным голосом:

– Ваша милость!.. Или мне мерещится?

– Мерещится, – подтвердил я весело. – Подбери корзину, а то стирать придется дольше. Щас вам всем буду мерещиться, разжирили без моего хозяйского ока...

Она нагнулась к выпавшей из рук корзине, крикнула вслед:

– А это уже постиранное!

Из подсобных помещений высывались самые ранние пташки, еще сонные, тупо таращили на меня глаза. На стене слышались голоса внизу, зазвенело железо, кто-то хрипло выругался, как я все-таки попал в охраняемую крепость, недосмотр, затопали сапоги на толстой подошве.

Я ощутил, как ко мне стремительно приближается нечто огромное и горячее, но оглянуться не успел, огромное черное чудовище сбilo с ног и прижало к земле, удерживая могучими лапами и горячим, как разогретая на солнце глыба металла, телом.

– Я вернулся только за тобой!.. – заверил я поспешно. – Люблю тебя, мой замечательный... Да люблю, люблю, отпусти, а то залижешь до смерти, пес-убийца...

В его глазах плескался океан такой безмерной и бескрайней любви, даже обида в них исчезла, растворилась без следа.

У меня защемило сердце, а в глазах защипало.

– Берем Зайчика... – сказал я поспешно, – вы не ссоритесь?.. и возвращаемся в Геннегау...

В его глазах было заверение, что куда угодно, лишь бы вместе, только бы не расставаться, это же так ужасно, когда они с Зайчиком остались без меня...

Послышались испуганные голоса мужчин, вскрикнула женщина, и тут же, перепрыгнув телегу с горшками, быстро пошел решительными шагами в нашу сторону Мартин.

Я видел, как сперва глаза начальника охраны замка расширились до предела, затем в великом удивлении распахнулся рот, но через мгновение он снова стал прежним суровым вои-

ном-ветераном, а вид таков, словно сюзерен каждую ночь исчезает неизвестно как и затем появляется из ниоткуда.

Я обнял его за плечи, он смотрел снизу вверх с веселой преданностью, рот до ушей, а в глазах счастье, как у Бобика.

– Ваша светлость...

– Все хорошо, – заверил я. – Все удачно, Мартин!

Он перевел дыхание:

– У вас только так, ваша светлость...

– Если бы... – ответил я. – Но на этот раз в самом деле все удачно. Гости уже прибывают?

Он кивнул:

– Пока совсем мало. Три отдельных отряда под баннерами королевских рыцарей, и один – из Армландии. Остальным, как сообщили, еще идти и идти. Вы же направляете из разных мест королевства? Да и обозы пока что тащатся, а не скачут.

– Скоро здесь будет не протолкнуться, – заверил я. – Готовьтесь выдавать дочерей за рыцарей. Как Дженнифер, леди Элинор?

– Здоровы, – заверил он. – Леди Элинор сейчас наверняка возится со своим нечестивым занятием, иначе бы уже вышла, а Дженнифер... да, леди Дженнифер отправилась на охоту.

Я изумился:

– На охоту?

– Да, – подтвердил он. – Но не извольте беспокоиться, она в нашей части Брабанта, а еще с нею два десятка молодых рыцарей. Они жизнь за нее отдадут, если что!

– Не сомневаюсь, – сказал я с некоторой ревностью. – Все рвутся в женихи...

Он ухмыльнулся:

– Так леди красавица!

– Да кто это видит, – пробормотал я. – Ты присматривайся к самым настойчивым. Если что, даю тебе право... ну, ты понял. У нас только она осталась. Даниэлла рождает лорду Митчеллу наследников, герцог еще в пути...

Мартин спросил с некоторой ноткой ревности:

– Этот непутевый Митчелл уже лорд?

– Кроткая Даниэлла, – заверил я, – сделала из него ягненка. Как мой Зайчик?

Он широко улыбнулся:

– Навестите его прямо сейчас, а то он всю конюшню разнесет, как только почует вас.

Глаза его смеялись, доволен, как и всякий мужчина, что я сперва расцеловался с собакой, потом иду целовать коня, а уж затем навещу, если не забуду из-за малости, хозяйку крепости леди Элинор.

Зайчик радовался сдержанно, благородный рыцарский конь, но когда я обнял его за шею и шептал в ухо все самые ласковые слова, он гордо посматривал по сторонам, все ли видят, как его любит могущественный сэр Ричард, красиво и легко переступал ногами, словно горячая арабская лошадь.

Бобик все пытался вклиниться между нами, отпихнуть меня, вилял всем плотным корпусом, заверяя, что вот же он, самый замечательный и любящий, ну как можно ласкать это травоядное?

В недрах земли заворчал, я ощутил непонятный страх и желание убраться подальше. Чуть позже почву ощутимо тряхнуло, я огляделся в испуге, но ничего, к счастью, не рухнуло. Глубоко под ногами ворчит и потрескивает, словно проснувшийся великан расправляет затекшие от долгого сна кости.

Из дальней башни вышел сгорбленный синий гном в огромной белой бороде, что плотным покрывалом закрывает грудь и плечи. На голове остроконечный колпак, тоже синий,

поля печально обвисли, как лопух под дождем, длинная, до земли, одежда прошита золотыми нитями, а в руке длинный резной посох с огромным рубином, что еще в первый раз поразил меня размерами.

Я пошел к нему широкими шагами:

– Уэстефорд!

Он вздрогнул, повернулся ко мне. Из-под снежно-белых и кустистых бровей на меня взглянули старчески выцветшие глаза.

– Ваша милость!

Я не стал поправлять, что давно уже «ваша светлость», старики нового не запоминают, придержал его за плечо, не дав преклонить колено.

– Оставь церемонии для простых, Уэстефорд. Мы волшебники или хвосты собачьи?.. Я вижу, идешь из подвала. А раньше ты, если память не дурит, жил наверху, как аист на крыше?

Он чуть-чуть поклонился, спина захрустела, а потом опасно затрещала, будто в ней ломаются вязанки хвороста.

– Стар я стал совсем, – проговорил он шамкающим голосом, – трудно подниматься на такую высокую башню.

Я спросил с интересом:

– Да ты и раньше почти не спускался. Что-то изменилось?

Он пугливо посмотрел блеклыми глазами, почти белыми, даже страшновато в такие смотреть, сказал дребезжаще:

– Не... совсем...

– Но что?

Он тяжело вздохнул:

– Ваше милостивое отношение... доброта леди Элинон, а также леди Дженнифер... гм... позволили мне чуточку расшириться...

Я охнул:

– То есть теперь в твоём распоряжении вся башня? От крыши и до подвала?

Он проговорил торопливо:

– Крепость пока что пустует. Нам уже сказали, придут войска, надо разместить... это все будет! Но пока тихо... А я тут простым перебором нащупал тропку к тому могучему магу, если помните...

– Которым интересовалась леди Элинон?

– Вы все помните, ваша милость!

– И что?

– Она устала от попыток, передала мне, а сама занялась чем-то... более женским.

– Уэстефорд, – пораженно сказал я, – ты прям конь ломовой... О душе надо думать, о спасении, а ты все о науке своей нечестивой. Прешь, как дракон, стены ломаешь... Эликсир бессмертия бы искал!

Он прошамкал:

– Зачем вам, такому юному, эликсир?

– Да не мне, тебе. Я ж теперь по роду службы должен о других думать... Давай, не стой! Веди к тому зеркалу.

Бобик старательно втискивался между нами, хотя мог бы идти с другой стороны, но так меня придется делить с этим стариком, а это несправедливо. Я придерживал это энергичное чудовище, чтобы не свалил Уэстефорда, тот может вообще рассыпаться, Бобик лизал мне руки и смотрел влюбленными глазами.

В подвал он рвался с такой энергией, что я едва не взял с собой, но посмотрел на дряхлого Уэстефорда, вздохнул и потрепал Пса по башке.

– Лучше подожди меня здесь, лапочка. Я точно вернусь, никуда не исчезну.

Он скульнул, в глазах отчаяние, Уэстефорд слабо проговорил с дрожью в голосе:

– Ну, если обещает ничего не переворачивать...

– Он? – усомнился я. – Что угодно пообещает, и вы ему поверите?

Он вздохнул, а я поцеловал в холодный нос и толкнул дверь. Пахнет сыростью, все как и прошлый раз, когда мне показывала леди Элинон, спускаемся медленно, Уэстефорд уже не совсем орел. Кое-что изменилось даже здесь, на лестнице.

Исчезли торчащие из каменных стен масляные светильники, теперь в тех же чашах строго и возвышенно горят толстые свечи. Я прошел возле одной совсем рядом, почти задел рукавом, но огонек не колыхнулся, упрятанный внутри воскового футляра.

Свечи настолько толстые, что огонек, медленно опускаясь по фитилю, прожигает внутри настоящие тоннели, оставляя стенки иногда чуть деформированными, но целыми. Эти цилиндры и создают уютный желтый свет, очень похожий на мягкий солнечный, когда оно смотрит через тонкие облака.

Я покрутил головой, до чего додумались, это же сколько нужно было пробовать различные соотношения воска, чтобы получались такие вот оригинальные лампы. И, что радует, никакой магии, настоящая наблюдательность, изобретательность и смекалка. Хотя понимаю, Уэстефорд мог бы и просто магией, но в этом человеке осталась и чисто человеческая смекалка и наблюдательность, с этими свечами не могло получиться с первого разу...

Я посмотрел на него по-иному, и Уэстефорд, мне кажется, это заметил, только не понял, что меня заинтересовало. А может быть, и понял, но не учитывает, что эта неясная и очень извилистая тропка, исчезающая в темноте, вообще-то перспективнее так многообещающей широкой дороги магической мощи...

Ступеньки кончились, в зале вдоль стен те же свечи, но теперь я быстрым взглядом окинул подземное хранилище и его вещи. Если память не подводит, а теперь она у меня ходит по струнке, часть вещей леди Элинон перетащила в свои покои.

Стол у стены, два кресла с прямыми спинками, на таких не отдохнешь, а на боковой стене огромное зеркало в рост человека. И как в прошлый раз, я с порога увидел в отражении напольные часы в деревянном корпусе, хотя здесь их нет, большой стол со стопкой фолиантов, а также ряд полок с необычными предметами, в прошлый раз этого не было, я всматривался жадно, смутно угадывая нечто знакомое и явно не из этого века.

– Раньше от этого зеркала леди Элинон не отходила, – заметил я.

Он сказал дребезжащим голосом:

– Теперь надолго потеряла к нему интерес...

– Есть более перспективные вещи?

Он взглянул искоса.

– Не мне судить, чем сейчас увлечена хозяйка... Хотя зеркалом она снова заинтересовалась. Правда, уже и не так, как раньше.

– Разочарована?

– Да, стоим на месте. Хоть кое-что и сдвинулось...

Голос его звучал таинственно, я переспросил:

– Что изменилось?

– Многое, ваша милость.

Я сказал строже:

– Не темни. Мне угадывать некогда.

Он сказал торопливо:

– Простите, ваша милость. Это я так, расхвастался. Просто меня распирает от гордости. Столько лет бились...

– Что, – спросил я, – неужели?

Он кивнул:

– Если подождете...

– Долго?

Он посмотрел на стол, в деревянной рамке в песочных часах в верхней части крохотная горка золотистого песка, внизу сверкающий конус втрое больше, между ними тончайшая струйка, едва уловимая глазом.

– А переворачивать не забываешь? – спросил я. – А то в твоих сутках может оказаться и тридцать часов, и сто...

Он покосился на меня с некоторым изумлением:

– Ваша милость... Но это так просто...

– Не забывать?

– Переворачивать. Они ж сами и перевертываются.

– Ага, – сказал я, – ну да, сами. Как я забыл! Хорошо, когда сами, верно?

– Хорошо, – согласился он осторожно, – что ж за часы, если их надо самому?

– Дикари, – сказал я с чувством. – Не представляю, где такие и живут.

Из зеркала в комнату пал зловеще-багровый свет. Я насторожился, в прошлый раз этого не было, с этой стороны стекла всегда полумрак, какие бы огни ни пылали по ту сторону. Уэстефорд торопливо бормотал заклинания, начал двигать руками в воздухе, словно размазывал глину по невидимой стене.

Спустя пару минут напряженнейшего ожидания из красного, злобно клубящегося тумана вышел старик могучего сложения, все в том же плаще с выжженными пятнами, длинная седая борода в копоти, одна бровь с опаленными и закучерявленными кончиками.

Уэстефорд торопливо поклонился, маг не обратил на него внимания, но я сразу ощутил на себе его пронизывающий взор. Поверхность зеркала уже не препятствие, это я ощутил даже не по запаху гари с той стороны, а по этому взгляду, властному и осязаемому.

– О, что-то новое, – произнес он, замедляя шаг.

– Нет, – возразил я, – мы уже виделись.

Он остановился, всмотрелся внимательнее:

– Где?.. Ах да, припоминаю. Тогда еще слуга... сейчас... гм... о, маркграф и маркиз?.. Это же одно и то же, но почему... А, понятно...

Уэстефорд за моей спиной бормотал все быстрее. Мое сердце взвинтило темп, вот он, шанс, я спросил с учтивым поклоном:

– Вы можете принять меня в гости?

Он улыбнулся:

– Нет.

– Недостойн?

Он улыбнулся шире:

– Опасно... для новичка.

– Тогда будьте нашим гостем, – предложил я быстро. – Как маркиз и маркграф, обещаю сделать для вас все...

Он сказал вежливо, но я уловил снисходительную усмешку:

– Не смогу, очень занят.

Кивнул почти дружески, так я иногда улыбаюсь особо сметливым конюхам, шагнул в кипящую лаву и пропал. Я обернулся к Уэстефорду, его трясет, зубы стучат, а глаза безумно вытаращены.

– Успокойтесь, – сказал я дружески.

Он прошептал:

– Как вы разговаривали... непочтительно...

Я возразил:

– Я обращался к нему со всевозможным! Только ему все равно, даже если бы я обругал или выкинул что-то непотребное. Он смотрел на меня, как на двухлетнего малыша, а на таких взрослые не обижаются. Разве что слегка отшлепают, если чересчур далеко зайти... Кстати, вы от меня недалеко ушли. С его точки зрения.

Он вскрикнул предостерегающе, но мои пальцы уже ощупывали поверхность зеркала. Ощущение такое, что слегка прогибается под давлением, особенно когда вот так, ладонью и всем весом, но затем мягко и настойчиво возвращается к исходному состоянию.

– Не надо, ваша милость...

Голос его был умоляющим, я вздохнул и отступил.

– Да, хорошо бы кавалерийским наскоком... а вот осадой некогда. Но ты, дорогой Уэстефорд, сделал великое дело!.. Как я понимаю, а я из великих понимающих, иначе не стал бы тем орлом, на которого сейчас смотришь круглыми глазами... это твоя, а не того мага заслуга. Он вовсе не стремился к нам, верно?

Он смотрел на меня во все глаза:

– Спасибо, ваша милость, за высокую оценку, но она... заслужена, если уж честно. Он нами не интересовался и раньше. Это мы сумели.

– С леди Элинор?

Он покачал головой, на лице проступило смущение.

– С леди Дженифер.

Глава 2

Когда я наконец поднялся наверх, двор залит ярким солнцем, жизнь кипит, а Бобик прыгнул на меня, как кот на мышь. Я прижался к стене и выдержал бурные объяснения в любви, у собак нет чувства времени, им всегда кажется, что хозяин отсутствовал годами.

– Ну все-все, – сказал я наконец. – Ну люблю я тебя люблю! Как ты можешь сомневаться?

В сторонке держится человек в очень скромной одежде, плечи и спину согнул в позе просителя, шляпу заранее снял и держит в руках, но не мнет, смотрит на меня и ждет смиренно, однако с неким достоинством, не свойственным простолюдину.

Я смерил его долгим взглядом, Бобик зарычал на него, но не злобно, а предостерегающе, мол, это мой папа, а не твой, иди отсюда.

– Я тебя люблю, – повторил я. – Тебя!.. А теперь иди играй. Там на кухню что-то привезли особенное, а ты не видел!

Он посмотрел на меня с недоверием, как это он мог такое пропустить, но на всякий случай ринулся к кухне. Человек в позе просителя заспешил навстречу, торопливо поклонился издали, показывая широкую плешь во всей красе, проела макушку и торжествующе раздвигает просторы, хотя при его росте это незаметно, пока стоит прямо. Для таких людей снять шляпу – мучение, я по достоинству оценил его рвение и желание обратиться к лорду.

– Ваша светлость! – произнес он торопливым, слегка присвистывающим голосом. – Ваша светлость!

– Ага, – согласился я, – это я, моя светлость. Что скажешь?

Он заговорил быстрым, бегущим вперед голосом, но грамотно и четко расставляя слова, опять же не по-простолюдинному:

– Меня зовут Автанаил, я алхимик... вообще-то и немножко маг. Среди наших упорно ходит слух, что вы, благородный лорд, оказываете нам покровительство...

Я нервно дернулся:

– Господи, какие обо мне жуткие слухи! Церковь услышит, на костер потащит!

– Ваша светлость, – сказал он умоляюще. – Мне пришлось покинуть своего покровителя, он требовал невозможного и грозит смертью... Вы же знаете пределы разумного...

– Мало ли что болтают, – оборвал я. – Будучи паладином Церкви и преданным ее высоким идеалам воином...

Алхимик побледнел и заметно сжался, стараясь свернуться в комок и пропасть из поля зрения человека, в котором надеялся найти покровителя.

– Простите, ваша светлость...

– Вот что, – сказал я все так же нервно, – мне сейчас некогда, я занят до свинячьего писка, так что подойди к хозяйке этой крепости леди Элинор... у нее еще есть маг Уэстефорд, пообщайся. Он, кстати, сейчас там, в подвале. Мы как раз того... чародействовали! Но вообще-то моя позиция вовсе не в оказании помощи и покровительства магам, а в... как бы это попроще, переводе вас всех на иные рельсы. В смысле на другой путь к прогрессу!..

Он, все еще испуганный, посмотрел исподлобья:

– Какой?

– Узнаешь, – сказал я. – Если захочешь. Тянет разгадывать тайны древних – копайся здесь со стариком Уэстефордом. Это путь быстрых мелких побед и общего поражения. Если хочешь общей победы, хоть и трудной, тебе надо пробираться в Геннегау. Там сосредоточиваю умных людей и создаю... научно-исследовательский центр, так сказать. Там можно и своим делом заниматься... хотя и чуть по-другому будешь называться, а покровительство всемогущей Церкви никогда не бывает лишним.

Он испуганно дернулся:

– Церкви?

Я посмотрел по сторонам, снизил голос:

– Если не режешь невинных младенцев и не душишь девственниц на алтаре, твоя работа не служит дьяволу.

Он смотрел исподлобья:

– А кому служит, Церкви?

– Никому, – сказал я раздраженно. – Науке! Познанию природы. Снимешь эту шляпу и не будешь надевать халат с астрологическими знаками – ты уже не маг, а ученый. А будешь носить на шее крест...

Он отшатнулся:

– Ваша светлость!

Я сказал зло:

– Да ты хоть попробуй! Сам ахнешь, что ни твоя шляпа в каббализме, ни крест на шее совсем не влияют на твою работу! Но крест нужен. У нас не все его, правда, носят, но такие стараются не показываться на глаза инквизиции. Но стоит ли из-за украшений портить себе жизнь? Мужчины мы или нет?

Он помолчал, несколько ошарашенный, проговорил неуверенно:

– Это не украшения, ваша светлость. Это позиция.

Я отмахнулся:

– Есть ложные позиции, ложные ценности! Тебе надо познавать тайны природы? Так?.. Ну вот. А какая на тебе шляпа, познавателю без разницы. Природе – тем более. Сейчас варишься в собственном соку и заново изобретаешь... колесо. Пообщайся с собратьями. У меня в Геннегау таких, как ты, около сотни. В одном месте!

Он замер, взгляд остановился, прикованный к моему лицу. Проняло, подумал я удовлетворенно. Коллективные действия скорее приводят к результатам. Даже если додумывается одиночка.

Бобик выметнулся из кухни, как низко летящий черный стриж размером с галапагосскую черепаху. Я встретил его, как баобаб в пустыне, что выстаивает под натиском жаркого урагана, не упал и даже не сдвинулся. Бобик визжал и ластился, я дал себя снова облизать, как же, столько минут не виделись, ужасно.

Народ смотрит опасливо и в то же время с восторгом. К Бобику привыкли, но все играть с ним никто не рискует, зато с удовольствием рассказывают о нем всякие жуткие истории.

Наконец я начал отпихивать преданного барбоса, все не может оторвать от меня влюбленного взгляда и скачет вокруг, как козленок, постоянно требуя, чтобы я либо чесал его за ушами, либо говорил что-нибудь, либо просто смотрел на него, в это время как из далекого мира донесся ироничный голос:

– Сэр Ричард!.. А чем мы хуже вашей собаки?

Леди Элинор вышла из донжона и остановилась, шурясь на солнце, ослепительно красивая в нежно-голубом платье, с пышной прической из золотых волос, перехваченных на лбу узкой полоской из золота с блестящими красными камешками.

Я хлопнул Пса по толстой заднице, он довольно взвизгнул, а я пошел к этой удивительной женщине.

Она ждала, ровная и величественная, уже герцогиня, но в то же время с приветливой улыбкой прежней Элинор, удельной хозяйки своих земель, умеющей решать проблемы где силой, где женским обаянием.

Я еще издали поклонился, она чуть наклонила голову, жест многозначительный, у многих мужчин сразу забилося бы чаще сердце. В самом деле чувствую к ней симпатию, вообще, мы ко всем красивым женщинам ее испытываем, да еще когда нам улыбаются вот так обещающе...

Она удивительным женским чутьем уловила, что не ударю, с улыбкой подала руку, я почтительно опустил на колено, чего никогда не делал, и поднес к губам ее нежные пальцы.

– Целую ручку, прекрасная леди, – сказал я и надолго припал к ним, ощущая нежность молодой кожи и женское тепло. – Как хорошо вернуться!

Она милостиво улыбалась, рассматривая меня большими внимательными глазами.

– Думаю, сэр Ричард... такие герои везде чувствуют себя как дома.

– Ах, леди Элинон, – ответил я проникновенно, – где нет вас... везде чужбина.

Она засмеялась:

– По крайней мере, говорить любезности вы не разучились. Хотя за такое короткое время что могло случиться?.. Но однако случилось. Вы меняетесь очень быстро, сэр Ричард.

– Что, заметно?

Она кивнула:

– Мне – заметно. Вы становитесь собраннее, сэр Ричард. Это делает вас скучнее, но и... взрослее. Меня это устраивает. Ненавижу мужчин, что и в пятьдесят лет подростки!

Я сказал грустно:

– Взрослость, это когда уже достаточно созрел, чтобы знать, чего не следует делать, но все еще молод, чтобы это сделать. Я, мне кажется, еще в нем. А мужчины, что в пятьдесят – подростки, это же здорово, как они считают. Не растеряли детской непосредственности, романтики...

Она отмахнулась:

– Оправдать можно все, что угодно. Надеюсь, на этот раз вы надолго?

– Надеетесь? – переспросил я. – Леди Элинон, я же знаю, как вы мечтаете, чтобы меня где-нибудь черти взяли...

– Сэр Ричард!

– И как можно скорее...

Она покачала головой, глаза стали серьезными.

– Может быть, – произнесла она без улыбки, – иногда... где-то в глубине... Но это огорчило бы Готфрида, а я никогда не сделаю ничего, как вы понимаете...

– Понимаю, – сказал я. – И завидую ему. Может быть, и меня полюбит какая-то дура...

– Вы забыли добавить «такая же», – уточнила она. – Сэр Ричард, какой желаете пир в свою честь? Большой, малый или средний?

Я посмотрел на нее лютым зверем:

– Издеваетесь?

– А вы разве не герой?

– Да я малость не такой герой.

Она спросила с любопытством:

– Ну-ну, признавайтесь!

– Щас, – пообещал я. – Только шнурки завяжу. Просто пиры у меня в печенках. И в печени.

– Но как же без пира? – спросила она с наигранным удивлением. – Вы наверняка снова исчезнете слишком быстро. Кстати, как вы это делаете?

– Для вас никогда не слишком, – сказал я галантно, – вы уже сейчас посылаете меня ко всем чертям. Но я в самом деле намерен отправиться в Геннегау немедленно. Ухватить леди Дженнифер в седло и умчаться...

На ее лице пронеслась целая гамма чувств, от облегчения, что и меня не будет, и Дженнифер исчезнет, сразу два подарка, и до отчетливо проступившей гримаски вины, что тоже мне понятно, не совсем же чудовище, хотя вообще-то каждая женщина еще тот монстр, что там в лесу – даже в аду таких поискать, а уж если красивая, то и вовсе...

– Не получится, – заявила она и улыбнулась мне лучезарно. – Леди Дженнифер вернется только к вечеру... она как раз отбыла перед вашим возвращением, как всегда весьма странным.

– Как жаль...

– Если хотите взять Дженнифер с собой, вам придется...

– Да, – согласился я, – мне многое придется. Я уже привык, что делаю не то, что хочу, а что приходится. Хорошо, леди Элинор...

Она улыбнулась, не сводя с меня не по-женски умного взгляда:

– Когда вот так произносите, у меня впечатление, что вот-вот ударите.

Я тоже улыбнулся, галантно и светски:

– Что вы, леди Элинор! Мы, как мне кажется, достаточно обменялись ударами. Теперь вам пора броситься мне на шею...

Сказал и прикусил язык, шуточка рискованная, леди Элинор, несмотря на ее непонятный возраст и то, что жена герцога, выглядит юной женщиной, эффектной, яркой и зовущей, ровесницей Дженнифер. Только по ее уверенности и властности можно догадаться, что знает и умеет больше, чем входящая во взрослую жизнь дурочка.

Она улыбнулась и опустила ресницы, то ли соглашаясь броситься на шею, то ли показывая, что приняла шутку как комплимент, всем мужчинам хочется, чтобы им бросались на шею.

– Жду вас в зале? – спросила она.

– Теперь у вас там приемная?

– Я не майордом, – ответила она, – и не герцог...

– Герцогиня!

– Это всего лишь жена герцога, – пояснила она и посмотрела прямо в глаза, я должен увидеть, что нет у нее никаких амбиций, что счастлива и не будет мутить воду. – У меня огород и сад, а к цветам и грядкам я хожу сама...

– А еще вещи из раскопок, – добавил я тем же елейным голоском. – Ох, леди Элинор...

Она грустно усмехнулась:

– К ним я тоже хожу в подвал...

– Разве? – спросил я. – Вы не все еще перетаскали в свои покои? Леди Элинор, если честно, я хоть временами злюсь на вас, но уже давно нет желания прибить. Более того, поверите или нет, восхищаюсь вами. И рад за герцога.

Она пустила вдоль тела гибкую чувственную волну:

– Правда?

Я потряс головой:

– Фигура у вас потрясающая, вы самая красивая из женщин, но вы проводите все свободное время не перед зеркалом, любуясь своей красотой и великолепием, а... чем занимаетесь?

Она натянуто улыбнулась:

– Вам это неинтересно, сэр Ричард.

Я поклонился:

– Великолепно. Только что сказали, что вы всего лишь жена герцога без всяких амбиций, и тут же щелкнули по носу... вон уже кровь идет, указав мне мое место на тряпочке. Нет-нет, никаких обид, мы же с вами выше такой ерунды?

Она улыбнулась одними глазами:

– Что-нибудь предпочитаете на обед особенное?

– Если нельзя вас на блюде, – сказал я, – то предпочел бы что-нибудь не менее лакомое.

– Такого на свете нет, – ответила она достаточно надменно, чтобы я понял шутку, – но повара постараются.

Глава 3

На самом деле поварам для меня стараться нетрудно. Конечно, отличу говно от конфетки, но хорошую еду от очень хорошей вряд ли, а насчет прекрасной или восхитительной вообще сомневаюсь, существуют ли такое понятие для мужчин, все-таки мы и к еде должны относиться, как к женщинам: никаких излишеств.

Обед проходил в строгости, все как в первый раз, когда я прибыл в Брабант. За это время леди Элинор ничего не внесла и не изменила, хотя ошастливленный герцог позволил бы ей перевернуть всю крепость.

Слуги подавали еду неслышно и тут же застывали у стен, даже не моргают, но следят, с какой скоростью опустошаются тарелки, следующую нужно подать не раньше и не позже единственно возможного момента.

Мы сидим на противоположных концах длинного стола, такой этикет, и если бы не мертвая тишина, пришлось бы общаться через скорохода.

Посуда золотая и серебряная, ложки из чистого золота, это гостям попроще подадут из старого серебра. Я вздохнул, люди сами себе неимоверно усложняют жизнь, просто не понимая, что облегчить ее можно, просто сделав ложки из самого простого железа.

Какие романы старых авторов я ни читал, всегда после ухода гостей хозяева пересчитывают столовое серебро. И нередко недостает пары ложек или вилок. Или хотя бы одной. Начинаются мучительные вычисления, кто мог спереть, чтобы в следующий раз такого не приглашать. Кроме того, может украсть кто-то из прислуги, убравшей со стола использованные приборы.

Пышность и этикет превращают людей в механизмы, мы некоторое время поглощали пищу, двигая передними конечностями в строго отмеренных рамках, морды неподвижные, спины прямые, локти свисают с края стола.

Расхожая премудрость, что, строго соблюдая в гостях правила этикета, уйдешь злым, трезвым и голодным, неверна. Этикет просто не позволяет жрать по-свински, но вот так размеренно и неторопливо можно слопать хоть слона. В то же время хотя приличие – это наименее важный из всех законов общества и наиболее чтимый, но мне, честно говоря, соблюдать его труднее всего. Во-первых, все еще не вышел из возраста борца «против усега», во-вторых, мое срединное целиком из простолюдинов, аристократию истребили много поколений назад, в моде как раз бесцеремонность и отсутствие условностей, так мы называем приличия.

А еще у нас их называют комплексами и тоже гордятся, что без комплексов...

Я чуточку вздрогнул от ее участливого голоса:

– Что-то случилось, сэр Ричард? У вас такое лицо...

– Какое? – спросил я с неловкостью.

– Все грехи мира на ваших плечах?

Я буркнул:

– Каждый должен брать на себя столько, сколько выдержит.

– Не переоценили себя?

– Возможно, – снова сказал я хмуро, – вообще-то я достаточно наглый, чтобы взять на себя чересчур много... в то время как другие отдыхают в тени.

– Чтобы потом злиться на них?

– Точно, – признался я. – В то же время у меня достаточно власти, чтобы наломать дров. К примеру, вот хочу, чтобы и другие тоже брали на плечи больше груза. Но как заставить, если даже не понимают, что я хочу?

Она улыбнулась.

– Я тоже не понимаю. Ваших стремлений. Просто мужские понимаю, а вот ваши... Возьмите эти куропатки. Их готовили под таким соусом, что просто не знаю, как я оставляю хотя бы косточки.

– Спасибо, леди Элинон. В самом деле бесподобно. Зачем вам колдовство, идите в поварихи!.. Или это и было колдовство?

Она улыбалась и как женщина, и как хозяйка, что видит истинную цену моих слов. Мужчина, который может оценить все тонкости вкуса хорошо приготовленной еды, – либо мужчина в прошлом, либо так и не успел стать им, таких хватает в благополучных землях. Настоящий мужчина, глядя на красивую женщину, может съесть и тарелку, а потом скажет с восторгом, как хорошо здесь готовят отбивную.

– Сэр Ричард, – произнесла она участливо, – вы так часто задумываетесь даже за обедом... У вас неприятности?

– Нет-нет, – сказал я поспешно, – просто дел много. Я по натуре бездельник, отдыхатель и развлекун, а тут вдруг дела...

Она спросила с недоумением:

– Но если вы мужчина... как можно без дел?

– Можно, – вздохнул я, – еще как! И дела бывают разные. У вас вот – интересные, а у меня – нужные. А нужные разве бывают интересными?

Она смотрела внимательными сочувствующими глазами:

– Гандерсгейм?

– Увы, да.

– Мужчины стремятся к славе, – рассудила она, – а завоевать Гандерсгейм... Об этом никто и не мечтал.

– Когда-то наступает очередь и Реконкисты, – сказал я. – Почему не сейчас? Никто не может сказать точно, когда приходит время. Это все потом, в зависимости как пошло...

– Так почему так озабочены? – поинтересовалась она. – Должны трепетать в предвкушении славы завоевателя!

Бульон подали в небольшой чашке, но с двумя ручками. Если не ошибаюсь, когда с одной ручкой, то можно пить, а когда вот такая шмакодявка, но с двумя, то предписано работать ложкой...

Нагло улыбаясь, я взял чашку одной рукой и мирно отхлебывал, майордомы выше этикета, я не вытираю руки о скатерть и не сморкаюсь в тарелку, этого для мужчины достаточно, чтобы считаться элегантным и знающим этикет.

Наконец слуги внесли на десерт большой торт, в коридоре послышался топот, я насторожился. В зал вбежал молодой рыцарь в разорванном на плече и груди бархатном камзоле, волосы слиплись от крови, длинная царапина на щеке.

Он ринулся было к леди Элинон, но узнал меня, круто свернул и рухнул на колени.

– Сэр Ричард!

Лицо бледное, как смерть, в глазах ужас, я потребовал резко:

– Что стряслось? Вы были с леди Дженнифер?

Он вскрикнул:

– Да!...

– Где она?

– Похищена!

Я вскрикнул, едва не опрокинув громадный стол:

– Кем?

– Мы не знаем, – проговорил он слабым голосом, – сэр Ричард, мы все бросились на защиту... и все погибли. Я был ближе всех к коням, сэр Фарлонг велел мне привести помощь... Я должен вернуться...

Он пошатнулся и упал лицом вниз. Леди Элинор выскочила из-за стола, но я успел первым, пальцы ощутили холодок, когда коснулись его лба, но грудь рыцаря тут же приподнялась.

– Лежи, – велел я. – Пока не придешь в себя.

Он открыл затуманенные глаза:

– Нет... Я вернусь... погибну вместе с друзьями.

– Он потерял много крови, – сказала леди Элинор. – Пусть останется.

– Он поедет, – ответил я резко. – Кто покажет место, где такое случилось?

Леди Элинор круто повернулась к замершим слугам:

– Оседлать Серебряную Гриву!

Я ринулся к конюшне, Бобик помчался за мной, морда серьезная, а в глазах вопрос: что-то случилось? Но что бы ни стряслось, я с тобой и я тебя люблю!

– Да-да, – ответил я, – я тебя тоже...

Даже ему не сказал, хотя мысль мелькнула, нехорошая вообще-то, если честно, дескать, только шажок до великих дел, а тут снова отвлекают бытовые мелочи. И хотя тут же устыдился, это же моя чистая и такая тихая теперь Дженнифер, но все-таки мысль такая нехорошая была, была. Свинья все-таки я эгоистичная...

С нами через южные ворота крепости вылетели на могучих конях с десятков рыцарей, да еще Бобик несется впереди, держа нос по ветру. Я поглядывал на недавнего раненого, все еще бледный и резко исхудавший, он мужественно держится в седле, показывает дорогу, но Бобик все равно мчится впереди отряда.

Холмы здесь покрыты густым лесом, но внизу изумрудная зелень кое-где подсвечена кустарником с желтыми листьями, мирная и пасторальная картина, стада овец, что безумно быстро плодятся на этих роскошных пастбищах, синие глаза озер, иной раз не синие, а белые от обилия гусей и уток...

Леди Элинор то и дело вырывается вперед на своей удивительной лошадке со сверкающей гривой, еще у нее такой же хвост и серебряные копыта, хотя у всех коней неопрятно серые. Еще, как я заметил, не подкованная, однако из-под копыт часто бьют злые острые искры, похожие на крохотные молнии.

Я сперва поглядывал на нее с опаской, но держится в седле уверенно, ее заботливо опекают все рыцари, но окончательно успокоило меня воспоминание, что она долгие годы была единственной полновластной хозяйкой своего замка и своих земель, умело управляя ими ничуть не хуже мужчин.

Когда впереди наметился небольшой спуск, я насторожился, очень уж земля похожа на глинистую, но странно глинистую. Рыцари заворчали, когда я покинул седло и присел к земле.

– Что стряслось, сэр Ричард?

– Пока не знаю, – ответил я.

Пальцы нащупали твердые багровые комочки, я осторожно трогал их, не понимая, что вдруг встревожило.

– Что это? – спросил я. – Кто-нибудь знает?

Сэр ПП ответил нетерпеливо:

– Мы не знаем, сэр! Но дальше вся земля такая!

Я поднял комок и попробовал растереть в пальцах. Он поддался с великой неохотой и чем-то знакомым скрипом. На подушечках осталась красная пыль...

– Ржавчина, – произнес я тупо. – Но почему так много... Здесь что, выход железной руды на поверхность?

Рыцари промолчали, только сэр Норманн, старый ветеран, произнес неохотно:

– Ходят слухи...

Он умолк, словно испугавшись сказанного, я сказал резко:

– Какие?

– Кто-то, – договорил он еще неохотнее, – недавно выпустил ядовитый туман...

– Ядовитый? – переспросил я.

– Не для людей, – поправил себя сэр Норманн. – Пожирает железо, как свинья помои. Не успеешь глазом моргнуть, как любые доспехи, мечи, топоры – превращаются вот в такую ржавчину. Я сперва было не поверил...

– Я тоже слышал, – проворчал Пэришель, – но и сейчас не верю.

Я поднялся, окинул взглядом широкую долину впереди. Красная вся, и чем дальше, тем окраска гуще.

– Боюсь, – сказал я, – придется поверить. Кто-то туман выпустил для пробы сил, а сейчас вот второй шажок... Эта сволочь быстро смелеет...

– Набирает силу? – спросил сэр Фарлонг.

– Оно самое, – пробормотал я. – Но слишком быстро...

Сэр Фарлонг сказал торопливо:

– Сэр Ричард, поспешим!

Я покачал головой:

– Останетесь без доспехов и, что хуже, без оружия. А сражаться кольями, как пьяное мужичье, не станете... Сожалею, но вам придется остаться, дальше я сам. Бобик, вперед не бежать! Иначе оставлю здесь.

– Я пойду с вами! – крикнула леди Элинон.

Я отмахнулся:

– Не смешите.

Она сказала резко:

– А вы не глупите, сэр Ричард! На мне доспехов нет, как и меча в моей руке. А металл, что на мне, не поржавеет!

Я покосился на золотые серьги в ее ушах:

– Война – не женское дело.

– Это не война, – заявила она. – Но если вы не решаетесь брать меня с собой, я пойду одна! Тем более что ехать недалеко.

– Вы знаете, – изумился я, – куда?

Она вытянула вперед руку:

– Смотрите сами.

В четверти мили отсюда красную землю пересекает трещина, я сперва не обратил на нее внимания. Над нею слегка колеблется, струится воздух, словно на глубине чем-то разогревается. Если это так, то трещина идет очень глубоко.

– Раньше ее не было?

– Не было, – подтвердила она.

– Считаете, что дело в ней?

– По слухам, – произнесла она быстро, но глаза жадно заблестели, – в Бранте когда-то был гигантский город, один из самых крупных... но потом ушел под землю. Что, если кто-то из самых сметливых нашел к нему дорогу?

Я ощутил холодок по коже:

– Не дай бог! Там могут храниться такие штуки...

Она быстро посмотрела на меня:

– Какие?

– Нехорошие, – отрезал я. – Хорошо, поскачем! Авось колдун не пустит в это время туман...

– «Авось» – это заклинание?

– Да, – ответил я.

– Надежное?

– Ну... как кому.

Бобик добежал первым и носился вдоль трещины, объясняя, что берется перепрыгнуть на ту сторону. Зайчик гневно заржал, я соскочил на землю и подал руку леди Элинон, а едва ее ноги коснулись красноватого грунта, ринулся к трещине.

Горячий воздух не просто поднимается, продавливая холодные слои, а словно выстреливается раскаленными струями, далеко внизу чернота с красными точками, похоже на застывающую лаву.

За спиной простучали каблуки леди Элинон.

– Что-то нашли?

– Да, – ответил я. – Вот весьма заметные следы. Кто-то спускался сюда. И не раз.

Она присела рядом, лицо стало встревоженным. В землю в щель между камнями вбит стальной штырь, явно не простолудин, тот воткнул бы деревянный кол, сталью не разбрасываются...

Я свесился над краем, горячий сухой воздух обжигает лицо так, сто слезятся глаза.

– Похоже, он не спешит возвращаться. Или у него здесь сообщники.

– Почему?

– Оставил бы веревку, чтобы выбраться.

Она зябко передернула плечами:

– Если отыщет то, что скрыто внизу, сам не захочет возвращаться. Сэр Ричард, в моей седельной сумке веревка. Если похитил Дженнифер он, а кроме него тут больше никого, то явно прячется там... внизу.

– Давайте вашу веревку, – распорядился я. – Если пожадничаете, придется доставать мою.

Она даже не улыбнулась, это мы, мандражируя, острым, скрывая всякое, что у нас под шкурой, а женщины более цельные: когда страшно – визжат, а мы, когда нам жутко, гордо улыбаемся, расправляем плечи и дурум прем на рожон.

Первые метров пять-шесть в самом деле пришлось спускаться по веревке, отталкиваясь от стены с настолько свежим камнем, что радостно блестит, как молодой лед, затем ноги начали упираться в выступы.

Я посмотрел наверх, на фоне безмятежно голубого неба пламенеет, как маков цвет, голова леди Элинон, она опасно свесилась чуть ли не до пояса и наблюдает за моим спуском.

Попытка спускаться быстрее, отталкиваясь от скальной породы, результатов не дала, ну да ладно, никто не видел, кроме этой женщины, а что они понимают, пришлось как все, даже простолудины так могут...

До дна веревки явно не хватит, хотя дальше можно и без нее, склон давно не отвесный, но жар все сильнее, я чувствовал, что одежда не успевает пропотеть, как тут же высыхает...

Нога попала в пустоту, я опустился еще, в стене щель, в глубине темно, а на камне царапина на внутренней стороне. Я бы не заметил, но поверхность расколотого камня гладкая, как зеркало, и царапина заметна. Как будто кто-то прошел вовнутрь, задев стенки пряжкой от заплечного мешка или топора за плечами.

Я заглянул в щель не столько опасливо, как с чувством протеста. Господи, неужели опять в пещеру? Как они достали... Хотя понимаю, природа ничего надежнее не придумала, и люди не зря использовали их для выживания. Не было бы пещер – не было бы человечества. Мы не с деревьев слезли, а вышли из пещер. Но сперва именно в них поднялись с четырех конечностей на две задние, встали крепче, а в передние взяли камни и дубины. И как только первая обезьяна взяла в руки палку, остальные принялись трудиться и стали людьми.

Я бросил веревку и осторожно втиснулся в щель. Через несколько шагов она расширилась, а шарик света показал свод, густо затянутый давно высохшей мертвой паутиной.

Похоже, леди Элинон права, пусть даже под землей был не город, слухи всегда раздуты и преувеличены, но какие-то группы людей здесь прятались или даже обитали.

Пол под ногами постоянно опускался, иногда даже слишком круто, приходилось чуть ли не съезжать на спине. Шаги и даже мое сдавленное дыхание гулко отдаются под высокими сводами. Впечатление, что двигаюсь уже в пещере, пусть и пока очень узкой.

Паутины становилось больше, кое-где перекрывала дорогу. Я из осторожности бросал камешки, а когда те скатывались на пол, уже без страха рубил серебряные нити, покрытые пылью, мечом.

В двух местах сверху капает вода, в одном месте льется целый поток. Я торопливо проскочил под ним, тут же огляделся широко распахнутыми глазами, но, кроме шума воды, ничего не слышно, зато пещера впереди начала расширяться с каждым шагом.

Глава 4

Под ногами целое поле, усеянное упавшими со свода камнями, но что мне все-таки нравится в пещерах, это их свойство, давно отмеченное спелеологами: ровный пол. Стены могут быть какими угодно, но внизу как будто некто выровнял катком, а потом либо в строго задуманном порядке натыкал сталагмитов точно под сталактитами, либо вот эти камни в художественном беспорядке.

Ноздри уловили запах животного. Арбалет оказался в руках раньше, чем я успел о нем подумать, пальцы привычно натянули тетиву. Сердце барабанит перепуганно, кровь в ушах гремит, а глаза судорожно выискивают жутких эндемов, приспособившихся жить здесь намного раньше человека.

Опасность только в том, что когда человек вышел на просторы, остались здесь полными хозяевами...

Ничего не происходило, хотя я чувствовал на себе множество взглядов. Под подошвами сапог похрустывает подозрительно знакомо, но косточки мелкие, сразу рассыпаются в прах. Такие зверьки не опасны... но кто-то же их пожрал...

Мышцы заныли от постоянного напряжения, шея стала каменной, затем ощущение постоянного наблюдения ослабело, я перевел дыхание и ощутил, что ноют даже ребра.

После этой пещеры еще спуск, потом еще, сталактиты исчезли, свод аккуратно стрельчатый, везде мягкий свет, не отбрасывающий тени, стены гладкие, если не считать те части, где из-за недавнего землетрясения прошли трещины или выдвинулись скальные выступы.

Следующий зал потряс: в стенах странные статуи, таких зверей не существовало, скелет человека на полу... странноват, чересчур вытянутый череп, узкие плечи, но руки длинные и с толстыми костями. Из полуистлевших рукавов высовываются узкие кисти с семью пальцами.

Я настороженно смотрел по сторонам, опасность может быть везде, только краем глаза замечал, что у скульптора странный вкус: пропорции сдвинуты, словно в кривом зеркале, лица в отвратительных гримасах, словно творил злой ребенок, дети всегда бунтуют, и если одни что-то подрисовывают в картинках, то кто-то, наделенный мощью, смог вот такое... Хотя, возможно, и не ребенок.

Кое-где прямо из пола выступают обломки величественных статуй, я рассмотрел полузасыпанное женское лицо, дивное и прекрасное, другая эпоха, землетрясение перемешало их... заодно открыв доступ и к древним артефактам.

Хотя, думаю, разрушило их не это землетрясение, а намного более ранние.

Еще один зал... по нервам пробежал трепет. Вдоль стен высокие стеллажи, где ящики, приборы, непонятные устройства, колбы и тигли, огромные сосуды из стекла, но самое жуткое – все эти штуки очищены от пыли и грязи, везде свежие следы человеческих рук...

– Сволочь, – прошептал я в бессилии, – успел чем-то воспользоваться... Теперь хрен остановишь...

Зал огромный, я вижу только часть, дальше все теряется в темноте, страшно и подумать, что может храниться в этих древних арсеналах...

Я скрипнул зубами, мне бы это все, я тоже слаб и хочу все и сразу, в черепе нарастает жар, а сердце стучит все отчаяннее, но я закрыл глаза и велел себе стать огромным и очень сильным драконом.

Когда сознание прояснилось, пол от меня уже далеко, словно я залез на высокое дерево, однако вот внизу мои серые широкие лапы с толстыми и острыми когтями, а на плечах грузная тяжесть широких, как пласты земли, могучих мышц.

Сердце снова дрогнуло от жалости, здесь же сокровища, но я пошел рушить столы, наступая лапами и размалывая всем весом, а также работающим во все стороны массивным хвостом.

Им же сбивал с обеих стен стеллажи, заполняя помещение грохотом, дымом, злыми ароматами и хрустом стеклянной посуды.

В черепе стучит, что я варвар, дикарь, чудовище, уничтожаю такие ценнейшие артефакты, но мое тело упорно двигалось вперед, а длинные лапы и хвост ухитрялись рушить все в пещере на полу и сбивать все со стен, чтобы топтать и ломать, топтать и ломать...

Я был на второй половине склада, когда рассмотрел вделанную в дальнюю стену массивную фигуру каменного зверя, размером с тираннозавра, я даже остановился на миг, пораженный жуткой экспрессией. Неведомый скульптор ухитрился передать невероятную хитрость, жестокость и нечеловеческий разум неведомой твари...

Глаза твари внезапно начали разгораться багровым огнем. Инстинктивно я дохнул пламенем. Каменную морду опалило, а когда огонь спал, там осталась копоть на морде, однако блеск пламени в глазах чудовища становился ярче.

– Да чтоб ты сдох... – прошептал я.

Ударил обеими лапами, но алмазные кости соскользнули, словно зубочистками пытался поцарапать стальной щит. Морда начала менять выражение, вокруг зверя заструился воздух. Я торопливо развернулся и нанес сокрушительный удар хвостом, где на конце тяжелый шар с шипами.

Раздался хруст, я скосил глаза, зверь цел, но выражение морды изменилось, я с удвоенной энергией бил и бил хвостом, помещение наполнилось грохотом, лязгом, во все стороны летели каменные осколки, это я промахивался и бил рядом в стену, мышцы заныли, дракон из-за своей непомерной массы устает раньше человека, а зверь уже выступил из стены полностью, лапы поднял над головой, там медленно растут когти, подлиннее моих, а над плоской, как у змеи, головой появилось и начало шириться черное облачко.

– Во имя Отца и Сына, – прохрипел я и умолк, чувствуя, что это несколько нелепо, когда такие слова произносит дракон, – да не отступим перед тварью...

Глаза зверя вспыхнули ослепляюще ярко, я невольно зажмурился, но тут же хвостом ударил изо всех сил, развернулся, навалился всей тушей и принялся грызть этот неподатливый камень, чувствуя, как во рту хрустит и там наполняется моей же кровью.

Монстр пошевелился, я соскользнул, со страхом понимая, что даже не поцарапал это чудовище. Оно не из камня, камень бы я уже разбил...

Я бросился бежать, с ужасом понял, что зал кончился тупиком, не пройти, а вся пещера начинает подрагивать под тяжелой поступью каменной твари.

В стене нечто проступило, как мне показалось, я с силой ударил хвостом, камень выпал, обнажилась дыра, но не вход в другую пещеру, как я надеялся, а просто щель, темная щель...

Я припал к земле, сознание помутилось, все поплыло перед глазами, на некоторое время будто умер, только в голове стучала одна-единственная мысль: побыстрее, побыстрее...

Как только я ощутил, что сознание возвращается, буквально запрыгнул в щель. Над головой страшно лязгнули огромные зубы, стену тряхнуло.

Бейся лбом, прошептал я, бейся, дурак... Пальцы нащупали арбалет, я выставил его перед собой, но, думаю, и арбалет не поможет, бросился прочь дальше, щель то сужалась, то раздвигалась, наконец вывела в большую пустоту, в самом деле пещера, но стены абсолютно гладкие, явно кто-то поработал, и снова выхода нет...

Далекий грохот приближался. Ужас пронзил тело, каменный монстр идет по щели, раздвигая ее, разламывая, превращая несокрушимый камень в песок.

Молот бы сейчас, мелькнула трусливая мысль, молот Улагарна, я с ним крепостные стены крушил, а там камни не из кизяка...

Трясет, как никогда раньше, погибнуть вот так глупо и нелепо, затем нахлынул стыд, перемешанный с диким страхом, я заорал, чтобы услышать свой голос, сжал кулаки и стиснул до хруста в зубах челюсти.

Ладно, я не рыцарь по духу, но погибнуть не так страшно, когда вот это будет жрать меня заживо. По телу пробежала незнакомая сладкая боль, словно утром после тяжелого дня мышцы свело судорогой, я скрипел зубами и жаждал дать этому каменному гаду бой, настоящий бой...

Стена рухнула странно беззвучно. Он вышел в облаке пыли, несокрушимый, без единой царапины, красные глаза горят, как факелы. Я заревел и ринулся на него.

Он прыгнул навстречу, удар был такой силы, что мы рухнули на пол, но не расцепили лап и челюстей. Я рычал и дрался с дикой яростью, человек на такую не способен, а монстр ревел и хватал меня пастью, рвал когтями и бил хвостом.

У меня хвоста почему-то нет, но я дрался, дрался, дрался, монстр ревел все тише, удары становятся слабее, хотя я изнемог, как мне показалось, еще раньше. В глазах потемнело, последним усилием ухватил его за голову, повалил под себя и начал выворачивать вбок.

Раздался хруст, монстр дернулся и застыл. Я долго лежал в бессилии, чувствуя, как черная волна накатила на мозг, оставив его в темноте, а когда пришел медленный рассвет, я ощутил себя в слабом человеческом теле.

Уши уловили шорох, стук, быстрые шаги. Я бросил руку к арбалету, но из-за каменных обломков выбежала леди Элинон, запыхавшаяся и в изорванной одежде.

Я перевел дыхание, а она торопливо подбежала, в глазах ужас, на щеке кровавая царапина.

– Что тут было? – вскрикнула она. – И почему не дождались меня?

– Да как-то... – пробормотал я.

– Не объясняйте, – прервала она, – мужчины! Все оберегаете.

Я повел головой по сторонам:

– А что случилось? Что-то сдохло, да?

Она сказала быстро:

– На себя посмотрите! Будто с горы катились! И такой грохот стоял, будто весь мир трясло!

Я огляделся, голова каменного монстра лежит отдельно от туловища, залы примерно с такими же разломанными скульптурами я проходил по дороге сюда.

– Это я ногу зашиб, – объяснил я со все еще бурно вздымающейся грудью, – и увидел, что в ней правды нет.

– Ушибите вторую, – посоветовала она.

– Зачем?

– Вдруг там ее больше. Пойдемте!

– Вы знаете куда?

– Я знаю, куда вас послать, – ответила она.

В раздвинутой монстром щели обнаружились такие же щели в полу. Леди Элинон проговорила с расстановкой:

– Все сужаются, а вон та нет. Что-то темное, какая-то пустота, но я не уверена...

– Раз наверху Дженнифер нет, – оборвал я, – значит...

– Хорошо, – сказала она, – я пойду первой.

– Почему?

– Женщина и должна идти впереди, – напомнила она.

– Это когда поднимается по крутой лестнице, – напомнил я в свою очередь, – и в широкой юбке. А вот когда спускается...

– Я тоньше, – возразила она.

– Да? – спросил я и с намеком посмотрел на ее грудь. – Даже если пойдете боком... гм... ладно, пойдете, а я застряну и вернусь?

Она сказала с неохотой:

– Хорошо, идите вы. Нет у вас никакой учтивости. Хотя за комплимент спасибо.

– Это был не комплимент, – буркнул я.

– Да? Тогда спасибо вдвойне.

Я торопливо начал спускаться в щель, перевязь с мечом и мешком с арбалетом то и дело цепляются за камни, я измучился, наконец та стена, что за спиной, исчезла, словно отстрелили, а по которой спускаюсь, сжалилась и стала более пологой.

Израненные пальцы кровоточат, раньше организм заживлял себя сам, руководимый инстинктом, теперь дисциплинированно ждет приказа, хорошо и плохо, ноги наконец коснулись пола.

Я отнял ладони от стены и огляделся. Исполинская пещера уходит в темноту, воздух спертый и влажный, ощущение огромности давит, далеко-далеко чудится странный плеск, словно волны накатывают на каменный берег.

Наверху послышался шорох, сдавленный вскрик. Я быстро повернулся и подхватил падающее женское тело.

Леди Элинор с трудом выдавила улыбку:

– Кажется, я себе переоценила...

Лицо это смутно белеет в полутьме, но уже ни царапин, ни ссадин, чистая детская кожа, только глаза блестят сухо и болезненно.

– Там вода, – сказал я. – Хотя почему-то плещет...

– Должно быть тихо?

– Ну да, здесь же ветра нет...

Она сказала крепнувшим голосом:

– А если в это озеро низвергается водопад? Пойдемте, сэр Ричард.

Она повела руками, и вокруг нас возник рассеянный, по-женски мягкий свет, раздвинулся на несколько шагов, но, конечно, дальше его не хватило.

– Впечатляет, – похвалил я.

Она попыталась идти впереди, я придержал и зашагал, чувствуя как рукоять меча, так и надежную тяжесть арбалета. Леди Элинор сзади идти не возжелала, мы шли рядом.

Я спросил вполголоса:

– Что вас заставляет так рисковать?

Она огрызнулась:

– Не из-за вас, конечно!

– Из-за Дженнифер? Тем более не поверю.

– Ради герцога, – отрезала она. – Разве непонятно?

– Спасибо, – сказал я, – внесли ясность.

– Пожалуйста, – ответила она. – Только... тихо, там что-то есть!

С каждым шагом я лучше видел темную поверхность воды, каменное ложе походит на исполинскую чашу, дальнего края не видно, а здесь камень идет под воду медленно и плавно, а там дальше на длинной цепи покачивается лодка с двумя веслами.

– Вот оно, – сказала леди Элинор. – Он переправлялся на тот берег! Значит, идем правильно.

– Странно, – пробормотал я, – ведет женщина, а идем правильно. Наверное, это только здесь, под землей, такое...

– Спасибо, сэр Ричард. Вы удивительно галантны.

– Брал уроки, – ответил я. – Откуда здесь лодка?

Она взглянула с удивлением:

– Как откуда? Создал, конечно.

Я буркнул себе под нос:

– Ну да, конечно, просто создал, и все. Ну что я за дурак, таких простых вещей не понимаю?

Она ухватилась за цепь и с неженской силой быстро подтащила лодку, пока та не закрипела днищем по камню. Я ухватил за борт и придержал, леди Элинор оперлась о мою спину, ее каблучки простучали по дереву, а когда уселась на носу, я снял цепь и, с силой оттолкнувшись, запрыгнул в узкую и длинную посудину.

Она скрипнула еще пару раз, я поспешно сел и ухватился за весла. Грести обеими почти не пришлось, везде так мелко, что едва не поломал, постоянно задевая за каменное дно, наконец вытащил одно из уключины и стал им просто отпихиваться.

Дважды попадались ямы или трещины, весло проваливалось, а я едва не падал за борт, но лодка двигалась быстро. Показалась противоположная стена, но там почти отвесно, леди Элинор послала свет спереди нас, а сзади сгустилась тьма, я то греб, то отпихивался, над головой проплывают арки, из воды торчат не то странные черные кораллы, не то окаменевшие деревья с растопыренными корнями, холодок страха постепенно разрастается, пускает корни, я начал чувствовать, что надо мной толща земли, что не такая уж и стабильная, и хотя пещеры стоят и по тысяче лет, а то и миллионы, но любое землетрясение или сдвиг пластов может здесь все обрушить...

Однажды за очередным выступом полыхнуло страшное зарево, огонь нехороший, багровый, с сильным запахом нефти. В его свете проступили развалины циклопических строений, то ли попавших сюда с поверхности, когда земная кора искала себе новое положение, то ли здесь в годы и столетия вынужденного заточения люди строили...

– Похоже, – проговорил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, – горит давненько.

– Пусть горит, – сухо произнесла она, – меньше сил на освещение... Вон туда!

На берегу, мимо которого проплывали, отчетливо проступили ступеньки. Когда приблизились, я разглядел, что камень уходит глубоко в воду, словно оттуда иногда поднимаются погулять по суше ихтиандры.

А дальше темный провал прохода, но слишком правильной формы, хотя и природа иногда вытесывает просто дивные фигуры.

– Придется идти туда, – сказала за моей спиной леди Элинор.

– Вы бесстрашная женщина, – пробормотал я. – Завидую герцогу...

– Тогда должны радоваться, – напомнила она.

– Да-да, – сказал я, – рад, еще как рад... Как там темно... Нет, дальше что-то горит... Ах да, понятно...

Узкий ход наверняка был не таким узким, когда его вырубили в каменной толще, но потом с обеих сторон выложили массивными плитами малахита. Зеленый камень красиво поблескивает золотыми жилками, дальше зал, потом еще, оба, несмотря на исполинские размеры, все-таки заставлены мебелью очень плотно и экономно. Людей здесь обитало много, я понял, когда увидел в нишах фигурки и украшения из человеческих костей. Возможно, каннибализм здесь был не ритуальным, а обыденным, бытовым. Все-таки в подземных озерах на всех не хватит рыбы, а люди не должны умирать с голоду...

Еще два зала, все богаче и пышнее, наконец вошли в зал, где светильники жарко полыхают у всех четырех стен и даже в углах, под противоположной стеной площадка на высоте моего роста, к ней ведут широкие ступени, а на ней – трон с высокой спинкой.

Леди Элинор сказала напряженным голосом:

– Осторожно. Я чувствую могучую магию.

– Я в нее не верю, – ответил я.

По мере того как приближались, я настороженно рассматривал сидящую на троне фигуру. Издали кажется дремлющим стариком, потом я сообразил, что там сидит, опустив широкие рукава на подлокотники, скелет в богатой одежде и с короной на голове.

Внизу перед ступеньками два очага, аккуратно обложенные камнями. Огонь все еще вскидывает багровые языки, от крупных пурпурных углей, размером с кулак, пахло сухим жаром.

Я не стал ломать голову, как и почему угли все еще не погасли, не мелочный, приближался медленно и настороженно, ловушки и западни могут быть везде, хотя у трона их уже не ставят...

Вообще-то не очаги, как решил издали, огромные каменные чаши, поставленные прямо на пол, пламя в них мощное, воздух сухой и горячий, блики на высохшее лицо скелета попадают снизу, из-за чего длинные зубы кажутся еще больше и опаснее.

В голосе леди Элинор прозвучал откровенный испуг:

– Не вздумайте сесть на трон!

– Там уже занято, – ответил я.

Она прошипела:

– Знаю я вас! Даже мертвецов свергаете...

– Я не такой, – возразил я гордо, – да и что мне этот трон?

– Вам все троны подавай, – сказала она резко. – Собиратели, когда насытитесь...

Не слушая, я поднялся по ступенькам к трону, в самом бы деле сел, будь он пуст, но выбрасывать оттуда скелет не по мне, хотя не особое почтение к умершим удержало, у такой свиньи, как я, ни к чему нет почтения, но что-то вот взяло и удержало. Что-то в этом есть нехорошее, в пинании мертвых.

За тронем стена в затейливых барельефах от пола и дальше ввысь во тьму под невидимыми отсюда сводами, едва заметен широкий и высокий квадрат в полтора роста человека.

Я осторожно коснулся его кончиками пальцев. Слегка кольнуло, будто укусил комар. Каменная плита, с грохотом поднимая пыль, резко пошла вниз. Открылся проход в ярко освещенный зал, который назвать пещерой не повернется язык.

Верх плиты остался торчать, как невысокий порожек. Я осторожно переступил, осматриваясь, сзади загрохотало. Я быстро обернулся, но плиту как подбросило взрывом: мгновенно вернулась на место, отрезав меня от леди Элинор.

Я попытался сделать шаг назад и вперед, проход не открывался, словно здесь дорога в один конец, крикнул погромче, но ответа не услышал.

Стиснув челюсти, быстро пошел вперед, разгадка, как и моя Дженни, где-то впереди.

Они вышли, как мне показалось, прямо из стены, хотя потом рассмотрел искусно замаскированные тканью ниши. Все в доспехах, в руках мечи, топоры, а у двух – арбалеты.

Я сказал быстро:

– Ребята, я не драться пришел!

Старший прорычал:

– Тогда бросай оружие и сдавайся!

– Я говорить пришел, – объяснил я, – а у посла должно быть оружие. Для авторитета, важности и чувства достоинства.

– Никто, – рыкнул он, – не может быть при оружии в его владениях, кроме верных слуг!

– Я согласен, – сказал я, – насчет владений, хотя вопрос вообще-то спорный, потому оружие...

– ...сейчас бросишь на землю, – прервал вожак, – или тебя убьют.

Я посмотрел на блестящие дуги арбалетов, кончики стальных болтов смотрят в мою сторону.

– Хорошо-хорошо. Отстегиваю перевязь, вы там не дергайтесь, а то все теперь такие нервные...

Я снял через голову перевязь и опустил на каменный пол. Один из воинов подбежал и, зацепив кончиком копья, утащил за собой. Еще двое зашли сзади, цепкие руки сняли мешок с плеча, однако без тяжелого арбалета я не ощутил себя легче, наоборот, а старший велел хмуро:

– Обыщите его.

Я чувствовал, как неуклюжие пальцы обшаривают все места, где я мог спрятать оружие, простое или магическое, я не двигался, в таких случаях лучше демонстрировать кооперацию.

Один сказал наконец:

– Ничего нет.

Старший прорычал с подозрением в голосе:

– Совсем ничего? А ножны на поясе?

– Там нет ножа, – отрапортовал воин.

– Может, просто не видно?

– Ножа нет, – заверил воин. – Я туда даже палец совал.

Второй, который обыскивал очень старательно, сказал с осторожностью в голосе:

– А вдруг это маг?

Старшой оглядел меня с головы до ног:

– Ты совсем дурак? Посмотри на его рост и плечи!.. А руки? Ладно, ведите к господину Кентеру. Пусть он сам решит.

Один больно ткнул меня в спину:

– Топай!

– И не оборачивайся, – добавил второй с угрозой.

Оба сопели разочарованно, очень уж хотелось подраться, но никак нельзя сказать, что этот чужак сопротивлялся.

Я сказал мирно:

– Ребята, держите оружие покрепче.

Один спросил с недоумением:

– Зачем?

– Вам это понадобится. Говорю как гуманист.

Они повели вдоль стены, в какой-то момент часть стены колыхнулась и сдвинулась, штора под цвет стены, настолько искусно сделана, что прошел бы мимо и не заметил.

В спину снова толкнули грубо, провоцируя хотя бы огрызнуться, но я стерпел, открылся небольшой зал, вещей еще больше, а под дальней стеной на троне сидит с прямой спиной человек в синем халате, расшитом хвостатыми звездами, очень важный и довольный.

При нашем появлении не утерпел и наклонился в нашу сторону, глаза с живейшим интересом обшаривали мое лицо и мою фигуру. Я незаметно напряг мышцы, хоть он и не женщина, перед той бы я вздул все, что могу, но все равно пусть видит, что я крут и силен.

Я рассматривал его с небрежностью лорда, встретившего на дороге торговца глиняными горшками. Высокий, худой, с острыми ушами на голом черепе, губы вымазаны синей краской, над переносицей такая же синяя точка, словно ткнули испачканным пальцем, но в целом лицо чистое, умное, злое, на тонких губах презрительная усмешка.

Не считая дурацкого халата, одет достаточно просто, здесь пускать пыль в глаза некуда, пещера любого признает господином. На пальцах кольца, но без огромных драгоценных камней.

– Это и есть тот, – произнес он с интересом, – который прошел через все преграды, а поймали его в самом конце? Поставить его на колени!

Страж ударил меня в спину:

– На колени перед господином!

Я возразил:

– Никто меня не ловил, я добровольно сдал оружие, чтобы ничто не мешало переговорам.

Воин снова ударил в спину, а второй замахнулся топором:

– На колени, тварь, или разрублю пополам!

Я уже торопливо входил в ускоренное состояние, когда всего трясет, слова опережают друг друга, а мысли несутся хаотично. Голова разогрелась, как камень на горящих углях, кровь кипит, я одной рукой схватил за горло орла, что бил в спину, другой перехватил топор второго, выдернул и, уронив на пол, шарахнул обоих лбами.

Раздался треск, тут же я услышал характерный щелчок стальных тетив арбалетов. Уклонившись от первой стрелы, навстречу второй толкнул потерявшего топор. Стрела ударила несчастного в грудь, а я, подхватив его оружие, развернулся и красиво снес шлем с третьего стража.

Оглушенный, он улетел вслед за шлемом. Я бросил топор под ноги и сказал громко:

– Я разве не говорил, чтобы вооружились получше?

Между мной и магом затрепетала едва видимая глазу мерцающая завеса. Возможно, вижу только я, и если он ждет, что сейчас сдуру брошусь, ошибается очень сильно.

– погоди, – сказал я быстро. – Я не драться пришел. Хотя, конечно, весь склад древних вещей я уничтожил, не спорю.

Он вздрогнул, невольно привстал, глаза его впились горящим взглядом в мое лицо.

– Что? Это невозможно!

– Хочешь узнать как? – спросил я. – Тогда слушай и других. Одиночки всегда проигрывают коллективу. А коллектив – это я.

– Но склад, – пробормотал он, сосредоточился, глаза расширились, словно увидел сквозь стены, что там сейчас, вскрикнул: – Что ты наделал!

– Могу объяснить, – ответил я, – я тоже маг, только старый, древний! И даже мудрый. И могу объяснить новичку, что сделал это во имя пользы... Однако новеньких можно заставить слушать себя только вот так, перебив у них всю мебель и отняв игрушки.

Он прошипел:

– Как бы ты ни был силен, ты сейчас в моей власти!

– Не будь так уверен, – предостерег я. – Ты не видишь, стоит ли за твоей спиной невидимка с поднятым мечом, что ждет только моего кивка.

Он вздрогнул, но оглядываться не стал, совладал с собой и смотрел очень пристально, на висках вздулись красные жилки, как сытые пиявки.

– Если ты пришел ради вещей Древних... зачем уничтожил?

– Все узнаешь, – пообещал я. – А пришел я не за этой мелочью, у моих слуг их побольше. Ты похитил леди Дженнифер. Конечно, знаешь, что она дочь могущественного герцога. Это дает тебе возможность потребовать что-то ценное. Давай это обсудим...

Его все еще трясло от ярости, в глазах недоумение, как я мог все это сделать, и так быстро, спросил перехваченным злобой горлом:

– А если я хотел просто саму леди?

Я покачал головой.

– Прости, не поверю, что настолько глуп. Ни одна женщина в наше просвещенное время не стоит, чтобы из-за нее воевать или даже драться. Люди хлебом делятся, а уж женщинами... ты мог бы получить нечто большее! Или ты не маг, а всего лишь воин?

Его лицо передернуло злая судорога, губы искривились.

– Например?

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Тебе виднее, чего недостает. Я лишь самый лучший в мире переговорщик! Компромиссник, консуист, в смысле консенсунсник. Я даже рад, что ты проявил себя, а то у нас кадровый голод, одни дураки вокруг, да еще любители драк... Ну, ты понимаешь, о ком я...

Он наклонил голову, во взгляде злорадства и жестокость, но меня понимает, любителей драк много, это не только те, кто сейчас стонет и ползает у моих ног.

– Но вы сами, – произнес он сквозь зубы, – рыцарь...

– Маскарад, – заверил я. – Как в этом мире выжить, если не мимикрировать под глупых и опасных? Я несколько месяцев учился ходить со злой рожей и смотреть по сторонам угрюмо и с неприязнью, чтобы меня все боялись!.. А иначе что? Пришлось бы, вон как ты, прятаться в руинах или стать шутом при дворе!.. Умных нигде не любят, хотя без нас мир рухнет. Но теперь я хожу, растопырив руки, смотрю на всех нагло, и мне уступают дорогу! Потому и говорю, что тебе надо выторговать для себя хорошие условия...

Он фыркнул:

– Да-да, конечно. А потом, как только выйду без защиты, тут же срубят голову. Или повесят.

– Это рыцари? – переспросил я с недоверием. – А для тебя новость, как они свято держат слово? Да нет ничего хуже, позорнее и отвратительнее для настоящего мужчины, как нарушить свое слово!.. Потому, сам хорошо знаешь, если дадут гарантии безопасности, то она гарантирована!..

– Гарантия?

– И безопасность, – поправил себя я.

Он покачал головой:

– Я вовсе не собираюсь торговаться. И ничего от вас не нужно. А тех болванов я рассеял лишь потому, что вторглись в мои владения. А леди, ну, это понятно, приз.

– Понимаю, – быстро согласился я. – Хотя это владения герцога Готфрида, моего отца, кстати, но эту часть он никак не использовал, а вот ты, обнаружив свежий разлом в земле, поспешил спуститься, что естественно для отважного естествоиспытателя... и обнаружил целый подземный город!.. Здесь чисто юридический казус: герцог владеет всеми землями в Брабанте, но под словом «земли» мы имеем в виду тот плодородный слой, на котором произрастают всякие злаки, а то, что обнаружил ты, уже не «земли», а «подземли», потому что здесь земли нет вовсе, а только мертвый камень...

Он слушал внимательно, я видел удивление в его глазах и даже на лице, вслушивается не только в смысл, но и в темп, оттенки, искусственному человеку это все говорит больше, чем обманчивые слова.

– И что? – спросил он наконец.

Я вздохнул, развел руками:

– Ты абсолютно прав! Но, боюсь, из-за непроработанности вопроса и недостаточного разграничения понятий «земли» и «подземли» ты проиграл бы вопрос в любом суде.

Мои слова явно не понравились, лицо перекошилось, а когда заговорил ледяным тоном, глаза страшно заблистали. Я ощутил холод во всем теле, решил, что преклонения предупреждает об опасности, но краем глаза увидел, как медленно белеют и покрываются морозными узорами стены. Ткань, прикрывающая ниши в стене, застыла и жалобно зазвенела, как стеклянная.

Слова колдуна падали обрекающе и страшно:

– Несчастный... Ты понимаешь, что говоришь? Я, великий маг Кентер, стал бы обращаться в суд? Миром правит сила!

Я проглотил ком страха, постарался сделать голос понимающим и участливым:

– Увы, тут ты абсолютно прав. Миром, к сожалению, правит грубая сила, что нам, гуманным и одухотворенным, конечно же, не нравится. Вообще-то сила должна быть в руках умных людей. Когда-то это время наступит, а пока нам придется идти с ними на компромисс. К счастью, мы уже начали строить светлое будущее, когда войны будут начинаться не с примитивных кузниц и оружейных мастерских, а с добротных чертежных столов...

– А зачем, – спросил он раздраженно, – вообще тогда войны?

Я удивился:

– А как же проверять свои теории, изыскания, гипотезы? Те, кто любит воевать, – пусть воюют! Главное, чтобы умные люди не страдали. А дураков нам разве жалко?

Он задумался, я затаил дыхание, только бы не оказался гуманистом, достали, все уже перепортили, наконец Кентер вперил в меня злой взгляд.

– И как, – прогремел он, – вы намерены все это осуществить?

Глава 5

Сердце еще колотится, словно я взбежал на гору, а пальцы дрожат после смертельного поединка в жестоких дебатах. Даже руки трясутся, но я кое-как подобрал перевязь с мечом и с достоинством перекинул через плечо, проверил, в мешке ли арбалет, и уже пристраивал за плечом, когда пол под ногами дернулся, из глубин донесся приглушенный треск.

Дыхание пошло чаще, меня тряхнуло еще и изнутри, теперь понимаю тараканов, что нутром чувствуют землетрясение и убегают в панике. Треск повторился, пол дернулся еще пару раз, от стен начали отрываться стеллажи, артефакты покатались по полу, некоторые блещут драгоценными камнями.

Гул стал тише, но не умолк, я чувствовал, что земля, как великан, лишь медленно набирает в грудь воздуха для еще более мощного рева.

Из дальней щели, откуда явился я сам, показалась бегущая в мою сторону женская фигурка в голубом платье.

– Сэр Ричард! – прокричала она издали. – Сэр Ричард!.. Что у вас? Я едва сумела снова отворить там проход!

– Восторгаюсь, – сказал я. – Вами.

Она так торопилась, что на последнем шаге споткнулась. Я едва успел подхватить, ее легкое тело с разбега ударилось в меня, как в стену. Я держал крепко, не давая упасть. Она подняла голову, лицо покраснелось, в глазах смутнение, а ее сердце колотится в мою грудь часто-часто, словно просится туда к моему.

– Чем? – прошептала она.

– Отвагой, – сказал я. – Умением. Настойчивостью. Стойкостью... и вообще, леди Элинор, даже не знаю, что вы со мной делаете.

Она с великой неохотой, борясь с собой, просунула ладони между нами, уперлась в мою грудь и с усилием отстранилась. Лицо полыхает, как жар, в глазах смущение и непонятный страх.

– Где Дженнифер? – спросила она тихо.

– По моим подсчетам, – сообщил я, – ее сейчас передают нашим рыцарям. Вместе с ее кавалерами, кстати. Убитых вроде бы нет, судя по непроверенным, но заслуживающим доверия данным, а раненых уже подлечили.

– Вы... уверены? – спросила она задыхающимся голосом.

– Согласно договоренности, – пояснил я.

– Какой?

– С местным магом.

– Разве вы его не убили?

Я укоризненно покачал головой:

– Ах, леди Элинор... Я теперь такой мирный, такой мирный... За последние годы столько снес голов, рассек артерий, распорол животов, из которых кишки выползают, шипя, как змеи, потому что выпускают воздух, такие склизкие, мокрые, гадкие, но их хватило бы устелить дорогу от Брананта до Геннегау раз двадцать туды-сюды...

Она уже взяла себя в крепкие женские руки, бросила на меня надменный взгляд:

– Хватит-хватит! Я не представляю, как можно ходить по такой дороге и не поскальзываться. А на коне так и вовсе можно убиться! Маг испугался и принял ваше требование вернуть пленников?

– Ну, – ответил я уклончиво, – можно толковать и так. У нас же либо ты, либо тебя, третьего не дано? А если и есть, то все равно вроде бы нет?

Она повернулась в сторону заставленного артефактами помещения. На лице появилось знакомое выражение азарта, но неприятный гул в глубинах стал громче, я сказал твердо:

– Леди Элинон, уходим! Даже убегаем. И ничего не берем. Ни-че-го.

Она прошептала:

– Но здесь столько может отыскаться необычного... А если кто-то отыщет другой?

– Вы не слышите толчки? – спросил я. – Трещина как открылась, так и закроется. Плиты под нами сдвигаются. Мы и так рискуем, как двое безумцев! Надо выбирать.

Она тяжело вздохнула.

– Хорошо.

Я не успел рта открыть, как она произнесла жутким голосом заклинание, помертвела, глаза стали черными, из вытянутых рук ударило гудящее пламя.

Деревянные панели вспыхнули, огонь побежал по дощечкам вверх, но одновременно перекинулся и на сундуки. Элинон смотрела с застывшим лицом, в глазах мука, пламя разгорается стремительно, жар опалил лицо.

– Леди Элинон! – крикнул я. – Зачем?

– Чтоб тогда никому...

– Но ваш огонь отрезал нам дорогу!

Она медленно повернула ко мне голову, лицо смертельно бледное, в глазах пустота.

– Что?.. Я сожалею...

Я прокричал требовательно:

– Погасите этот чертов пожар своим колдовством!

Она послушалась и начала бормотать заклятия, но огонь разгорался все сильнее. Когда она вскинула руки, я ждал, что пламя исчезнет, однако красные языки взметнулись выше.

Я прокричал зло:

– Тогда погасите чем-нибудь, как человек!

Она ухватила со стола большой кувшин и выплеснула в огонь. В ответ пламя с радостным ревом взметнулось под самый свод, там затрещало, моментально охватило всю стену и перебросилось на соседние.

Я заорал, отступая перед жаром:

– Леди Элинон! Вы пламя гасите маслом?

Она крикнула виновато:

– Кто-то налил не то, что на кувшине написано...

– А что написано?

– Не успела прочесть... Уходим!

– Не уходим, а бежим! – крикнул я. – Как хорошо, вы все-таки женщина!

Она крикнула в недоумении:

– Что это значит?

– А то! – ответил я злорадно.

Она еще пятилась, но я ухватил ее за руки, наклонил голову и закрыл глаза, а затем, задержав дыхание, ринулся через огонь. На третьем шаге одежда на обоих вспыхнула, но я вслепую пробежал через ревуший ад, ударился о стену лбом с такой силой, что камень треснул, а я ощутил некоторое неудобство.

Одежда разом погасла, леди Элинон не потеряла голову, только в ноздри лезет неприятный запах горящей ткани.

Ее тонкие руки все еще обнимали меня за шею, а сама она спрятала лицо на моей груди и прижималась всем телом. Я нехотя наклонился и поставил ее на землю, но ее руки все еще оставались на моей шее, а сама она не находила сил отлепиться от надежного мужского тела, мы же призваны бдеть и защищать, а теперь надо снова начинать защищать себя самой.

Наконец она отстранилась и посмотрела на меня смущенно и вместе с тем уже внимательно. На щеках еще полыхает румянец, как у ребенка, но взгляд обретает прежнюю власть.

– На вас, – произнесла она задумчивым голосом, – нет ожогов, сэр Ричард...

– Ваше колдовство! – ответил я любезно.

– Нет, – возразила она негромко, – это ваше...

– Не колдовство, – поправил я, – святость.

Она посмотрела с сомнением:

– Святость? У вас?

– Выбираемся побыстрее, – сказал я. – Скоро обед, а они пожрут все без нас. А потом уедут с песнями.

Руки ноют от усталости, вверх тяжелее, к тому же на веревке еще и леди Элинон, что уже несколько раз срывалась и повисала в воздухе, грозя сдернуть вниз и меня.

Внизу грохочет громче, наконец раздался страшный рев, догнала волна сухого жара. Я скосил глаза вниз, там на фоне ярко-желтого огня отважно карабкается, хватаясь за веревку, леди Элинон.

Глаза слезятся, камни начали накаляться, я дышал, как загнанный конь, стена начала трястись, я ощутил, как ее сдвинуло и продолжает двигать...

Едва живой, я карабкался, чувствуя, как стены вот-вот сомкнутся, руки покрылись кровавыми ссадинами, но сверху подул свежим воздухом, Бобик прыгнул, когда моя голова еще не сровнялась с краем трещины, а этот гад ликующе топтался на мне и все пытался облизать лицо.

Сильные руки ухватили за плечи, я перевалился через край и упал на плоское и ровное, тяжело дыша и глядя тупо в страшное закатное небо с громоздящимися там горами пылающих облаков. Рыцари торопливо вскрикивали, суетливо тащили на себя веревку. Стены ущелья двигаются навстречу медленно и неудержимо, как два материка, снизу несется страшный треск перемалываемых скал.

Когда между ними оставалось не больше метра, показалась голова леди Элинон. Рыцари выдернули ее с такой силой, что хозяйка Бабанта взлетела в воздух, и тут же стены ударились одна в другую, пошли сминаться, с тяжелым грохотом топорща вал из камней.

– Бегом! – прокричал я. – Быстрее!

За нами был жуткий треск, грохот, а когда я устрешенно оглянулся на бегу, на месте ущелья вырастает на фоне закатного неба чудовищный каменный вал, похожий на вздутый шрам на ране, земля лечит себя так же, как и человек.

Оруженосцы с трудом удерживали испуганных коней. Рыцари там уже вскакивали на коней, ко мне навстречу ринулась Дженнифер, трепещущая, большеглазая, с вытянутыми руками.

– Нет! – крикнул я. – Быстрее на коня!

Не слушая, она набежала на меня, я подхватил, не сбавляя бег. Зайчик с готовностью подставил бок, я усадил Дженнифер, вскочил в седло и быстро огляделся.

За нами грохочет, земля трясется, а огромный вал все растет, землю выдавливает наверх, тектонические плиты еще двигаются по инерции, сминая передний край, камни катятся с вершины гребня огромные, как скалы, от них пышет адским жаром.

– Уходим! – прокричал я. – Все уходим!

Кони сразу пошли галопом, спеша уйти от опасного места. Дженнифер затихла у моей груди, как испуганная птичка, я одной рукой прижимал ее к себе, Бобик по моей молчаливой команде догнал рыцарей, я прокричал:

– Мною было велено ждать за границей ржавчины! Почему нарушили приказ?

Они переглядывались, наконец один ответил нехотя:

– Сэр Фарлонг.

Я поравнялся с сэром Фарлонгом. Уже немолодой и сурового вида рыцарь тоже держится позади, как пастух, подгоняющий овец, чтоб ни одна не пропала, конь его скачет быстро, но не в полную мощь, чтобы не обгонять скачущую массу.

– Сэр Фарлонг! – потребовал я. – Чем руководствовались, когда велели выдвинуться к расщелине в нарушение моего приказа?

Он пригнулся на скаку к гриве, спасаясь от встречного ветра, но для ответа сюзерену выпрямился и проговорил со сдержанным достоинством:

– Я взял с собой только троих. Тумана пока не было... а к тому времени, когда появится, вы уже разделаетесь с колдуном. Надеюсь, смерть его была ужасной.

Я изумился:

– Почему вы решили, что обязательно разделаетесь?

– О вас так говорят, – сообщил он. – Вы убиваете всех. У вас твердая рука и каменное сердце. Вы всегда побеждаете.

Я осекся, ничего себе репутация, подумал, сказал нехотя:

– Благодарю за правильное решение, сэр Фарлонг. Счастлив тот сюзерен, вассалы которого не страшатся нарушать его приказы, если у них есть варианты лучше.

Он посмотрел на меня с недоверием, улыбнулся, кивнул. Дженнифер чуть завозилась, устраиваясь поудобнее, тихонько вздохнула. Я поцеловал ее в макушку, сердце взволнованно стучит, словно и оно чувствует тепло моей сестренки, нежный запах и девичью чистоту.

Кавалеров, что были с нею, легко отличить по пышным нарядам, сейчас изорванным и перепачканным, мои же все в полных рыцарских доспехах, оружие не охотничье, а боевое.

Облака в небе погасли, на землю окончательно пала ночь, однако серебряный свет луны озаряет мир, а потом вдали показались огни на башнях Брабанта.

За всю дорогу обратно леди Элинор подъехала к нам только один раз, величественная, недоступная, настоящая хозяйка Брабанта, посмотрела надменно, но губы раздвинула в приветливой улыбке.

– Леди Дженифер?

– Леди Элинор, – ответила Дженнифер.

Леди Элинор кивнула и придержала коня, вокруг нее сразу же прибавилось рыцарей, как ее брабантцев, так и моих северян, гады, предатели, летят на женский запах, как одуревшие мотыльки на сладкое.

Я обнял Дженнифер так, что она счастливо вспискнула, вскинула на меня лучистые глаза.

– Я тебя не спущу с седла, – объявил я. – Прощайся с друзьями, и... нас ждет Геннегау!

Глава 6

Дженнифер молчала, лишь прижималась ко мне всем телом, и я молил Зайчика, чтобы он помедленнее, помедленнее, чуткий арбогастр все понимает, но в то же время нельзя отставать от простых коней, я же не просто его хозяин, но и сюзерен этих земель и всех людей, что поверили в меня и принесли клятву верности.

Ворота распахнули сразу, как только увидели нас в ночи. Отряд галопом ворвался во двор крепости, здесь горят все светильники, а народ ждет с факелами в руках.

Я спрыгнул на землю и бережно снял Дженнифер. На земле она совсем маленькая и хрупкая, подняла голову, в ясных чистых глазах такая любовь и светлая нежность, что теплая волна окатила мою мохнатую зачерствевшую душу и разом сняла с нее толстую кожуру, уже превратившуюся в панцирь.

– Рич... ты прости...

– Прощаю, – сказал я весело, – за все, что натворила, творишь и будешь творить! Собирайся, Дженни. Я заехал из Гандерсгейма по дороге в Геннегау только за тобой. Сейчас тебя ждет самая удивительная поездка в жизни. Зайчик у нас особенный...

Она сказала тихо:

– Ты сам особенный, и все у тебя тоже особенное: конь, пес, меч, твои умения... Только, Рич, я не могу с тобой сейчас поехать. Может быть, потом...

Я охнул, отшатнулся, всматриваясь в ее смущенное лицо:

– Дженни! Что стряслось?

– Да так... не особенно как бы, но изменилось...

– Дженни, что?

Она улыбнулась несколько неловко, вид удивленный, словно сама еще не верит себе и своим словам.

– Когда ты уехал, леди Элинор пригласила меня в свою... комнату, где хранит колдовские вещи. И долго говорила о них, чего никогда не делала. Я не могла понять, зачем рассказывает такое. Наверное, пыталась загладить вину? Не знаю, Рич. Я сперва даже не слушала. Но она старалась общаться, стала непривычно ласковой, а я, чтобы как-то ответить, сделала вид, что и мне интересно, чем она занимается. Я не думала, Рич, что это в самом деле так замечательно интересно!

Я пробормотал, не веря своим ушам:

– Ты?... Ты увлеклась магией?

Она кивнула, вид смущенный, но глаза радостно сияют.

– Очень!

– А что леди Элинор?

– Рич, ты будешь смеяться, но мы подружились... Ну вот, уже смеешься! Перестань, это правда. Ни она, ни я – не притворяемся. Сейчас помогаю разбирать ее коллекции, там масса удивительных вещей. Я просто не понимала, как это может быть интересно, но теперь меня за уши не оттащишь. И, Рич, я не могу все это бросить!

Я крутил головой, ошарашенный и обалделый, Дженнифер уже перестала смущаться и говорит с напором, убежденностью, какой давно от нее не слыхал.

– Хорошо-хорошо, – сказал я. – Хотя, честно говоря, я просто сбит с толку... Уж не околдовала ли она тебя? Впрочем, тогда постаралась бы заставить уехать... со мной, например. Или нет? Ничего не понимаю, а еще майордомить берусь, гроссграф набитый... Дженни, тебя будет недоставать в Геннегау... Надеюсь, найдешь время хотя бы навестить меня там? А то что-то тревожно у меня в том месте, где душа...

– Рич, – воскликнула она с упреком, – ну конечно же, я буду приезжать! И, надеюсь, часто.

– А я там попробую тебя соблазнить так же, как сумела леди Элинор.

Вокруг нас шумела и гремела железом толпа, везде смех и победные вопли, мелькнуло платье леди Элинор, народ сбегается со всех сторон и с ликованием слушает победные речи, ибо успехи господ – их успехи.

К нам осторожно приблизился Мартин. В полных рыцарских доспехах, что делает редко, ограничиваясь панцирем, почтительно поклонился леди Дженнифер, посмотрел на меня строго и одновременно с восторгом.

– Сэр Ричард, – произнес он с чувством, – поздравляю.

Я отмахнулся:

– Пустяки. Даже драться не пришлось. Так, поговорили, пообщались.

Он широко распахнул глаза:

– Вы его... не убили?

– Ну, Мартин, – сказал я с упреком, – что вы все... Мне уже сказали, что у меня рука не дрогнет, и все такое... А вместо сердца так и вовсе булыжник необтесанный!.. Нехорошо. Я вообще-то гуманист по натуре, хоть и очень глубоко. Но жизнь такая, что не успеешь сказать «мама», как тебя самого загуманистят... Словом, я взял его к себе на службу.

Дженнифер дернулась в моих объятиях и посмотрела с недоумением, а Мартин вообще распахнул рот:

– Что-о?

– Пришлось пообещать кое-что, – сказал я с неохотой, – но специалисты вообще стоят дорого. Это расплата за пренебрежение выращиванием своих! Предыдущая власть только пела, а сейчас пляшет в Ундерлендах, а все шишки на мне!.. Хорошо, сырьевые ресурсы есть, пока расплачиваюсь, а если бы не было?... Эх... Ладно, Мартин. У меня зуд в крови, все тело чешется, так за работу хочется взяться, просто подташнивает! Потому с тобой прощаюсь прямо сейчас, отведу сестренку в ее покои и... меня заждался Геннегау.

Мартин сказал с недоумением:

– Так вы вроде бы недавно оттуда...

– Эх, Мартин, – сказал я с достоинством, – я за это время успел горы сдвинуть!.. Потом, правда, понял, что лучше бы этого не делал. Но нам ведь не результат важен, правда? Рыцари мы или какие-то жалкие торговцы, которым обязательно нужен результат?

Обнимая Дженнифер за плечи, я повел ее в донжон. Перед нами расступались и кланялись, многие преклонили колено, хотя этого и не требуется, я улыбался и поводил над головой ладонью с плотно прижатыми четырьмя пальцами и слегка оттопыренным большим, а то если раскрою всю пятерню, это будет сигналом к бегству, сложные у людей ритуалы, обезьянами нам было проще.

В ее покоях я запустил руку в свой мешок, Дженнифер заинтересованно прислушивалась к знакомому перестуку, а когда я вытащил горсть крупных драгоценных камней, восторженно ахнула:

– Где ты столько набрал таких... красивых?

– Не скажу, – заявил я.

– Почему?

– А то побежишь туда и все выгребешь, по глазам вижу. Нет, шучу, я сам все выгреб. Я такой, выгребистый! Остальное, непонятное даже мне, заберу с собой в Геннегау. Я как сорока, все складываю и складываю в гнездо, а потом оказывается, что и само гнездо приходится оставлять со всем нажитым непосильным трудом...

– Обидно, – сказала она серьезно.

Я вздохнул:

– А мне как горько! Но – надо. Держа по синице в руках, не могу цапнуть журавля, даже если этот длинноногий гад нагло расхаживает прямо перед моей светлостью и провокационно топорщит перья.

Она сказала непонимающе:

– Рич... какая синица, какой журавль? О чем ты?

Я крепко поцеловал ее в обе щеки:

– Все, Дженни, отбываю. Раз ты остаешься, то больше меня здесь ничто не удерживает.

Жди отца, он вот-вот прибывает.

Она ахнула:

– Рич, уже полночь! Даже за полночь!

– Выеду раньше, – ответил я, – приеду раньше.

– Рич...

На ее лице было такое удивление и даже проступающая обида, что я сказал поспешно:

– Дженни, ты не представляешь, как я соскучился по своим боевым друзьям и по работе!

– Да ты всегда в работе...

– Мелочь, – сказал я с презрением. – А сейчас вот наконец-то займусь... ого-го!... большими делами.

Зайчик ничуть не удивился, как и Бобик, что поедем ночью, а Мартин так и вовсе кивнул одобрительно. Сам вообще неизвестно когда спит, ему что ночь, что день, заверил на прощание:

– Казармы готовы, в комнатах для лордов только убрать да пыль вытереть, а для пешего войска уже выбрали место для лагеря. Не извольте беспокоиться, сэр Ричард!

Я обнял его и вскочил на Зайчика. Дженнифер подбежала, я поднял ее к себе в седло, поцеловал и отпустил. Леди Элинор протянула руку, Дженнифер подошла, и они обнялись, наблюдая за мной.

– Я вернусь, – пообещал я твердым голосом.

Зайчик красиво пошел к воротам, Бобик уже крутится там, подпрыгивает, а когда их распахнули, довольно замахал хвостом: люди поняли его и послушались, наконец-то...

Я вскинул руку в прощальном жесте, Зайчик пошел галопом, а когда мы скрылись из виду, начал набирать скорость, соревнуясь с Адским Псом.

Оба несутся, не придерживаясь протоптанной дороги, дважды мы на такой скорости проскакивали через реки, что я даже не понял, мелководье там или же пронеслись по воде, как та знаменитая бегущая на задних лапах ящерица, что бежит со скоростью, позволяющей не погружаться глубже, чем по лодыжку.

Бобик показал себя не хуже ящерицы и даже арбогастра, но у него нет на спине груза, так что хвастаться нечем, я погрозил пальцем и сказал строго, чтобы не бахвалился перед Зайчиком. Ночное небо даже не пытается прогреть воздух, а наша скорость не такова, чтобы я нагрелся от трения, напротив – продрог на встречном ветру, начал зарываться в гриву.

Слева выросли горы, от них пала густая опасная тень, но быстро осталась позади, копыта простучали по каменной насыпи, а затем мы влетели в настоящую пустыню, сейчас с корочкой льда между барханами. В пустынях с их континентальным климатом это обычное дело. Даже птицы здесь свои: и такого же цвета ястребы, и желтые юркие ящерицы, и песчаные змеи.

Мы пронеслись мимо группы старых неопрятных верблюдов с грязно-рыжей косматой шерстью, тоже путешествуют ночью, но эти потому, что ночью не так жарко, затем сразу же, словно влетели в другой мир, где небо такое же черно-звездное, лунный свет дробится в густой сочной траве, справа и слева виноградники, поля мирно спят под тучными хлебами...

Нужна и карта Сен-Мари, напомнил я себе угрюмо. Мало ли что здесь ко всему привыкли. А я должен знать, где резко обрывается плодородная земля и вдруг начинается жаркая

пустыня, а потом ни с того ни с сего так же внезапно заканчивается, словно ее перенесли из другого пояса и насильно всобачили в серединку обустроенного мира.

На длинном спуске Бобик снова обогнал, но гусей не ловит, на оленей внимания не обращает: догнать нас не просто. Через необъятную долину Беудеш, на которую пешее войско затрачивает сутки, мы пронеслись во мгновение ока, темные горы на горизонте, похожие на тяжелую тучу, сдвигаются и уходят за наши спины так быстро, словно их тащат на канате.

Дорога пошла с холма на холм, и хотя мы летим без нее, но то и дело пересекаем, она так же точно то взбирается наверх, то мчится стремглав вниз, а там под копытами злорадно грохочет сухая глинистая почва с выступающими наружу гигантскими костями допотопных существ...

Месяц, как и Бобик, несется с нами наперегонки, азартно ныряет в тучи, как этот толстозадый в темные кусты, но всякий раз выскакивает, продолжая бег и не желая сдаваться. Слабый свет для меня совсем не слабый, только все в черно-белом, но из меня все равно эстет неважный, так что ладно, пригнулся к луке седла и выдерживаю напор встречного ветра, что ревет и грозит выдернуть из седла, унести, завязать узлом...

Звезды редкие, да и не до них, долина сузилась до каменистой трещины, там вроде бы бывает беспокойно, и хотя за последнее поколение никто не пострадал, народ старается ее обходить...

Стук копыт остается позади, мы несемся в этой мертвой стране, сами как призраки, что никак не решатся покинуть землю с ее греховными прелестями.

В какой-то момент Зайчик ржанул, я ответил с готовностью:

– Согласен. Как видишь, прислушиваюсь к мнению сотрудников. Только сбавь малость...

А лучше не малость. Иначе лоб расшибем о Геннегау...

Он неохотно перешел на галоп, Бобик насмешливо оскалил зубы и пошел носиться кругами.

В лунном свете заблестели, как лед под зимним солнцем, крыши далекого Геннегау. Я крикнул строго:

– Бобик! Рядом!.. Вперед не забегать!..

Адский Пес послушно пошел рядом у стремени, понимает по интонации, что в этом случае слушаться обязательно. Я привстал на стременах, все тихо, по обе стороны запертых ворот полыхают костры, багровый свет рывками выхватывает из тьмы блестящий металл доспехов. Двое воинов, мирно положив рядом с собой мечи в ножнах, лениво помешивают угли прутьями. Один что-то жарит, второму явно нравится смотреть, как вспыхивает и перебегает с угля на уголь оранжевое пламя.

Я пустил Зайчика шагом, пусть и меня рассмотрят издали, заранее вскинул руку в дружеском приветствии:

– Спокойно, ребята! Я не враг, хоть и пришел, аки тать, ночью.

Бобик держится рядом с Зайчиком с той стороны, его не видят, умница, не пугает, а воины остались на местах, ни один даже не протянул руку к оружию.

Я сказал укоризненно:

– Беспечно живете! Все-таки в покоренной стране... Кругом враги.

Один хмыкнул, второй сказал насмешливо:

– Для кого кругом враги, а для кого и нет...

Вроде бы сказал обычным, хоть и насмешливым тоном, но я еду из таких мест, где подозревают всех, и здесь моментально перешел на тепловое, уже привычно переждал сильнейший приступ тошноты и головокружения.

За трепещущим кругом багрового света пугающе близко светятся багровым два силуэта. Один с дротиком в руке, уже в замахе, другой в характерной позе арбалетчика с прижатым к плечу прикладом.

– Сдаюсь, – сказал я пораженно, – вы молодцы. Особенно этот с арбалетом. Значит, вы двое вроде приманки?

– Проверки, – уточнил один, – но ты что-то слишком быстро все понял и увидел... А ну-ка ближе к костру!. И учти, кроме того, с арбалетом, ты на прицеле еще у двух скрытых...

Я осторожно приблизился, да не дрогнет ни у кого палец на спусковой скобе. Часовой всмотрелся в мое лицо, поспешно вскочил на ноги и так же быстро преклонил передо мной колено.

– Сэр Ричард!.. Ваша светлость!

Я сказал благодушным державным голосом Гарун аль-Рашида, который возвращался после ночных походов по Багдаду:

– Молодцы, хорошо бдите. Как за эти дни? Ничего особенного?

Он подхватился, отчеканил:

– В Геннегау все спокойно!

– Хорошо, – сказал я, – ладно, бдите, бдите.

– Послать во дворец гонца? – спросил он с надеждой.

Из темноты вступил в круг света воин в сюрко, на шлем наброшена темная ткань. Такие в своей жаркой стране носили воины Саладдина, а северное крестоносное войско после первой же недели марша по жгучим пескам тут же собезьянничало.

Опустив арбалет со взведенной тетивой, он преклонил колено, но не голову, продолжая смотреть снизу вверх мне в лицо с такой неистовой верой в чистых честных глазах, что мне стало неловко, будто украл у ребенка конфетку.

Я жестом воздел его на ноги.

– Молодец, – сказал я державно, – хвалю. Ты держался так тихо, я не учуял.

– Спасибо, ваша светлость!

Я кивнул старшему:

– Все нужное я уже узнал по дороге... и за ее пределами. Теперь берусь за руль сам. И все у меня попляшут!

Он чуть кивнул в сторону, я услышал топот ног. Один из багровых силуэтов сорвался с места и начал быстро уменьшаться, словно таял в непроглядном мраке.

Часовой сказал счастливо:

– Как мы рады, ваша светлость!.. А то все переживают, когда вы уходите так внезапно.

– Я должен знать, – сказал я проникновенным голосом, – о чем думают простые горожане. Потому и хожу по городу тайком, слушаю разговоры. Зато меня никто не обманет! Я все знаю, где и что делается...

Они смотрели мне вслед полными восторга глазами, у простых воинов я популярен, не спорю. Даже слышал о себе такие легенды, что отцу Дитриху лучше их не знать.

Глава 7

За время, пока мы неторопливо двигались от ворот через весь город к королевскому дворцу, небо посветлело. Восточный край начал медленно и нежно розоветь, словно щеки юной застенчивой девушки. В чашах светильников вдоль дороги к королевской резиденции еще трепещет оранжевый огонь, но уже достаточно светло и без них.

Я поторопил Зайчика, нужно успеть до того, как устроят крестный ход навстречу, не люблю помпезной торжественности. Вообще никакой не люблю. Увы, здесь не Тиборра, в понятие «дворец» входит не только само здание с пристройками и окружающий сад, но и пространство вокруг размером чуть ли не с сам Тибор.

У ворот еще одна стража, ждут, вижу по их лицам и горящим глазам. Еще издали вытянулись, с таким рвением ударили тупыми концами копий в землю, будто добивали врага.

– Ваша светлость!

Я помахал рукой:

– Вижу-вижу, все на месте. Благодарю за службу.

– Рады стараться! – прокричали они счастливо, а когда я миновал их, держа благожелательную улыбку, прокричали еще раз уже в спину: – А ваша собачка уже пробежала тут мимо!

– Во дворец?

– Не совсем...

– Понятно, опять повара придут жаловаться.

Они гордо улыбались, моя собачка тоже предмет гордости, даже у короля такой нет, хотя, по слухам, и собрал много разных диковин и драгоценностей.

Дорога от ворот вымощена гравием настолько умело, что Зайчик идет, как по сплошной каменной плите, самую малость выгнутой посередине, это чтоб вода после дождя скатывалась в стороны.

Справа ровная зеленая площадь, траву то ли стригут, то ли сама такая, но тоже как идеальный ровный ковер, здесь тысячи придворных могут устраивать танцы и увеселения, а также пикники.

Вот так почти полмили по прямой от решетки ворот до главного входа в этот великолепнейший ансамбль зданий, белых как снег и сверкающих на солнце ярко и празднично. Только остроконечные крыши и башни венчают не флюгера, а победно реют белые полотнища с огромными красными крестами.

Дворец приближается, разрастается, огромный и величественный, арка главного входа выглядит темной, там двойные ворота, с обеих сторон часовые в белых сюрко поверх легких доспехов. Красные кресты сразу бросаются в глаза, яркие и заметные на белых полотнищах, а на шлемах, молодцы, легкие шапероны из тонкой ткани, что не позволяет солнцу накалять доспехи.

Во дворце на нижних этажах начали вспыхивать огни, затем на втором, на третьем. Донеслись сонные, но возбужденные голоса, кто-то начал громко ругаться, затем донесся сдавленный вопль: «Его светлость?.. Возвращается?»

Часовые подались мне навстречу, в глазах радостное ожидание. Я видел, как им хочется преклонить колено, но такой жест сделает на минутку беспомощными, а это недопустимо, и оба лишь широко и счастливо улыбались, наблюдая за моим широким и подчеркнуто уверенным шагом.

– Ваша светлость, – сказал один преданно.

– Сэр Ричард! – воскликнул другой.

– Уже предупреждены? – спросил я сварливо.

Первый сказал, улыбаясь во весь широкий рот:

– Промчался тут один... Кричал, что сэр Ричард объявился и сейчас будет здесь. А потом мелькнула ваша собачка.

– Как черная молния, – уточнил второй с восторгом.

– И чего радуетесь? – спросил я. – Отдых кончился, буду гонять вас в хвост и в гриву.

Они заулыбались еще шире и радостнее. По ту сторону ворот раздался вопль:

– Его светлость сэр Ричард!

Конюхи выбежали навстречу, я красиво соскочил на землю, все должны видеть, что сюзерен силен и бодр, ведь государство – это я, олицетворяю, так сказать.

– Позаботьтесь, – велел я без всякой необходимости, но все должны видеть, что я забочусь о своих близких. – Он хорошо поработал.

– Не извольте беспокоиться, ваша светлость!

– Покормим лучшим овсом и зерном...

– И железа уже для него поднакопили!

Я поднялся по ступенькам, главные ворота распахнулись с легкостью крыльев вспугнутой бабочки. В каждую створку вцепилось по пять человек, все тоже радостные и ликующие.

Я улыбался державно и на ходу вскидывал руки в приветствии. Легенда не меняется: я неузнанным брожу по народу, слушаю разговоры и все думаю, как сделать жизнь лучше. Конечно, кто-то пустит слухок, что тайком хожу по бабам или срезаю кошельки у пьяных торговцев, но что делать, Царство Небесное еще не построили, а у кого слишком длинные языки, могут высунуть их еще больше, болтаясь на крепкой пеньковой веревке. У меня такая свобода слова, особенная.

Залы переходят в залы, то большие, то малые, но все с невероятно пышно украшенными золотыми и серебряными узорами стенами, разноцветными мозаиками, то абстрактными, словно пришли из ислама, то с чувственными сценами средневековых декамеронов.

Здесь, в отличие от замков севера, пол не каменный, умельцы стелют паркет из дорогих сортов дерева, светильники – не просто светильники, а ювелирные украшения, а заодно уж и подставки для чаш с горящим маслом, а люстры так вообще нечто необыкновенное из множества ромбиков сверкающего хрусталя.

Немного странно видеть в такой роскоши застывших через равные промежутки вдоль стен крепких парней в доспехах и с полным набором оружия. Я издали узнавал армландцев, ратников и арбалетчиков, призванных бароном Альбрехтом на охрану дворца снаружи и внутри. Чтобы не оскорбить их прозвищами лакеев, всем пожаловали некие вольности, а также объяснили, что они, как и лорд Ричард, здесь хозяева, а не слуги.

Чем ближе к королевскому кабинету, тем меньше местных слуг, а в самой приемной перед кабинетом уже только проверенные армландцы и брабандцы, что, понятно, объяснять глупо.

В своих покоях я велел подать горячей воды, слуги сбивались с ног, стремясь предупредить каждое мое желание. Я наскоро ополоснулся и сменил одежду. Один из придворных подал золотой крест длиной с кинжал и тяжелый, как наковальня.

Я поцеловал его, чувствуя еще тепло омытого горячей водой металла, по моему повелению всякий раз окропляют святой водой, не могу без отвращения прикасаться губами к тому, что недавно могли чмокать другие.

Вошел сэр Жерар Макдугал, угрюмый и молчаливый, очень расчетливый в каждом слове и жесте, с тяжелым характером, однако надежный, с прямой и рассчитанной на много лет вперед жизнью. Теперь он мой личный секретарь – граф Ришар подыскал из своих вассалов грамотного и молчаливого, им заменили прошлого, что служил раньше Кейдану.

– Власяницу? – спросил он вопросительно.

Я отмахнулся:

– Нет.

– Позвать священника?

– Я уже исповедался, – сообщил я. – Мне было видение, Господь одобрил мои скромные начинания.

Он согнулся в почтительнейшем поклоне, сегодня же станет известно не только во дворце, но и по всему городу, что майордому явился светлый ангел, а то и архангел, и теперь сэр Ричард действует по его указаниям.

Еще перед отбытием в Гандерсгейм я обошел здесь несколько залов, выбирая помельче, чтобы устроить кабинет, но везде непристойная роскошь, в стены вделаны золотые щиты с множеством умело расположенных драгоценных камней, где кругами, где ромбиками, но везде изящно, с выдумкой, в посеребренных кадках растут причудливые деревья, странные и довольно красивые...

Впрочем, деревья можно убрать, а ненужную роскошь стен завесить коврами, но мой кабинет должен еще и располагаться удобно, а я, как ни искал, все же удобнее покоев самого Кейдана не нашел. И зал перед кабинетом просторный и достоин называться королевской приемной.

– Что-то изволите еще? – спросил сэр Жерар.

– Собрать моих лордов, – сказал я отрывисто. – Военачальников!

– Будет сделано, ваша светлость! В приемной?

– Ни в коем случае, мы же все равны! Только я чуточку равнее. Выбери достойный зал, чтобы никто не ощутил себя ущемленным.

Он посмотрел на меня пристально:

– Это же королевский дворец, сэр Ричард! Кто тут может быть ущемленным?

Я отмахнулся:

– А как насчет того, что вон тот гад трудится меньше, а получает больше?

Он спросил с недоумением:

– Сэр, разве такое возможно среди рыцарей?

Я с усилием улыбнулся:

– Да, конечно, ты прав. Это невозможно.

Передо мной распахнули двери, я вошел, прямой и гордый, хотя весь сжался от пышной и ошеломляющей роскоши королевского зала. Надеюсь, не слишком заметно для всех этих сотен пар внимательных глаз. Кейдан принимал здесь послов и местных лордов, а их должно ошарашивать с того момента, как впустят в этот зал. Стены не просто в золоте, а в изысканнейших и сложнейших украшениях, рубины, изумруды, алмазы – вделаны в барельефы и горельефы, подвески люстр не из хрусталя, а из бриллиантов... по крайней мере, так кажется даже мне, а придворные короля все как на подбор, знатнейшие лорды королевства, важные и могущественные, кланяются с достоинством и с такой важностью, что едва удерживаюсь, чтобы не поклониться в ответ еще ниже.

Одергивая себя, я же майордом, иду через зал, постепенно накаляясь, злой на всех и на себя, ну что это я играю по чужим правилам, я же сам собрался их создавать, но по-монаршьи задираю голову и выпячиваю нижнюю челюсть.

Справа и слева кланяются, слышу подобострастные голоса:

– Ваша светлость...

– Ваша светлость!

– Ваша светлость?

– Ваша светлость...

На всякий случай не отвечаю на поклоны даже легким кивком, вдруг да не тому, а это сразу что-то да нарушит, изменит, сдвинет. На той стороне зала украшенная золотыми накладками и гербами двустворчатая дверь, это к ней ведет проход между склоненных голов. Попа-

даются и присевшие в поклоне дамы, вырезы платьев настолько глубокие, что отчетливо вижу верхние края розовых ореолов, хотя стараюсь не косить глазом, будет истолковано, увы, в точности так, как оно есть.

В дверь заглянул церемониймейстер:

– Ваша светлость, ваши лорды спешно прибыли во дворец.

– Где они?

– Ждут в малом зале.

– Регалии, – велел я.

Слуги быстро заменили на мне изрядно потертую рубашку на джуббоне, изысканный, без крикливой яркости и лишних разрезов, точно подогнанный по моей фигуре. Я терпеливо ждал, пока навешивают тяжелую золотую цепь из соединенных квадратиков, размером с навешенные мечи, броши-застежки, а напоследок опоясали широким ремнем, где кожи не видно под накладками из золота в виде всяких разных фигурок.

– Его светлость, сэр Ричард! – прокричал церемониймейстер.

В зале торжественно пропели серебристые фанфары. Чувствуя себя обманщиком, я тем не менее расправил плечи и вышел в зал прямоспинный, развернутоплечий и с широкой улыбкой уверенного в себе человека и даже правителя.

Из окон падают широкие лучи света, ярко рисуя на полу окна, по контрасту все остальное кажется в тени. Еще с порога я увидел седого льва графа Ришара, красивое мужественное лицо дышит силой и благородством, множество шрамов, как ни странно, совсем не портят, а делают его суровым и загадочным, что так нравится женщинам. Рядом могучий сэр Растер, единственный, кто в доспехах, только голова открыта. Узкое удлиненное лицо с внимательными синими глазами Максимилиана фон Брандесгерта, его и другие уже вслед за мной зовут просто Максом, очень пышно, изысканно и в то же время со вкусом одетый Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, еще несколько знатных лордов, что пришли со мной из Армландии, двое из Брабанта, остальные местные, в том числе и Куно, что скромно держится позади всех.

Все склонились в поклоне, фанфары издали последний радостный вопль, полный щенячьего ликования. Я в полной тишине проследовал по узкому проходу из склоненных голов к трону.

– Рад, – сказал я уверенно и властно, – всех вас видеть снова! За время своего отсутствия я следил и за вами... я не настолько беспечный, чтобы вот так все оставить без присмотра! И узнавал, кто чем дышит в столице и королевстве. Могу сказать с гордостью, отныне у нас есть полная и подробнейшая карта Гандерстейма!

Спохватившись, я сел, властно и державно положил обе длани на широкие подлокотники. Вообще-то они руки, но когда вот в таком жесте государственного деятеля, это уже длани.

Лорды выпрямились, слушают почтительно и внимательно. На губах графа Ришара заиграла одобрительная улыбка, он первым понял и оценил важность моих слов. Макс, Растер и даже Альбрехт смотрят просто радостными глазами, местные вельможи радуются более сдержанно, но все-таки довольны, мое исчезновение могло бы вызвать анархию и кровавый передел власти.

Граф Ришар, как старший по возрасту и положению, сделал шаг вперед и с достоинством склонил голову.

– Заверю от имени всех в зале, – произнес он сильным и звучным голосом, которым перекрывал шум битвы, – мы рады вашему возвращению, сэр Ричард! Но... насколько подробна карта?

На его лице жадный интерес, барон Альбрехт пояснил суховатым голосом:

– Все королевство перевернули, но карт нет.

– Любые деньги предлагали, – добавил Макс печально. – Полагали, скрывают за чем-то...

Я сделал рассчитанную паузу и ответил как можно более спокойно и мирно:

– Все дороги, мосты, переправы, броды, крепости и ущелья отмечены. Как и реки, понятно.

У Ришара вырвалось:

– Это немыслимо!.. И что за карта? Столетней давности или посвежее?

– Сегодняшние данные, – ответил я, скромно раздуваясь от гордости и чувствуя, как у меня начинают под нижней челюстью расти с обеих сторон резонаторы. – От силы – на вчерашний день.

Ришар отшатнулся, словно его пихнули в грудь, но устоял на ногах, только взгляд стал еще прямее.

– Господи, сэр Ричард! С такой картой половина победы уже в наших руках!

– А также отмечены места, – добавил я, – где живут огры, тролли и кентавры.

Все затаили дыхание, у Ришара глаза полезли на лоб.

– Как вы достали именно такую карту, – спросил он неверяще, – какая нам нужна поза-рез? Сэр Макс сказал верно, мы весь город перевернули.

– Не только город, – уточнил барон Альбрехт педантично. – И по королевству шастали от нас люди, предлагая любые деньги. А уж что сэр Норберт вытворял...

Я все раздувался, как огромная торжествующая жаба на кочке в болоте, резонаторы вот-вот издадут торжествующее кваканье. Лорды смотрят счастливыми глазами, я почти услышал пение ангелов, так все хорошо и благостно.

– Старался, значит, – сказал я покровительственно. – Вы с подачи благородного графа Ришара не случайно предложили мне титул лорда-протектора? Значит, верили, что могу кое-что. Я смог, друзья!.. А теперь давайте разберем текущие дела, что требуют именно моего вмешательства, а потом...

Сэр Растер проревел могучим басом обеспокоенного медведя:

– Потом пир, что же еще?

Местные вельможи от него опасливо отодвинулись, я помолчал и заставил себя широко улыбнуться.

– Ну конечно же, сэр Растер! Как без воинских традиций?

Вельможи поспешно придвинулись к рыцарю, который осмеливается прерывать самого правителя, а тот не гневается, идет у него на поводу. Некоторые начали, сладко улыбаясь, заговаривать с этой закованной в железо скалой, но как реагировал сэр Растер, я уже не видел: ко мне начали подходить один за другим просители.

По взмаху моей руки ко мне приблизился сэр Альбрехт, низко поклонился:

– Что угодно вашей светлости?

Я поморщился:

– Не переигрывай.

– На нас смотрят, – шепнул он. – Должны видеть знаки почтения. Тогда и сами будут кланяться еще ниже.

– Полы разобьют, – буркнул я. – Лбы у местных просто чугунные, привыкли дорогу в жизнь пробивать, знакомо... Что за мое отсутствие натворили?

Он усмехнулся:

– Честно? Ничего. Вас нет, мой лорд, и жизнь замирает. Смешно сказать, все это время долго и старательно совещались с вельможами-законниками Геннегау насчет верного и точного титулования майордома сэра Ричарда! Представляете?

– Нет, – буркнул я.

Он посмотрел на быстро наполняющийся зал, щека его дернулась, то ли неудовольствие, то ли презрение, пояснил:

– Решили, раз титулы майордома и лорда-протектора признаны только войсками победившей стороны, было бы неправильно пытаться навязать их жителям Сен-Мари. Никто из

уважающих себя местных лордов не станет именовать сэра Ричарда ни майордомом, ни лорд-протектором, а только гроссграфом или пфальцграфом, ибо эти титулы пожалованы легитимными монархами.

– А маркграфом?

– Это получено от императора, так вас и будут величать... скорее всего. С другой стороны, обращение «ваша светлость» уравнивает человека, захватившего королевство, с множеством лордов, которые тоже имеют право на «ваша светлость». Одних герцогов в королевстве семь, не считая всяких разных, к которым тоже надлежит обращаться так же.

– Что за буквоедство, – сказал я шепотом, – ладно, пропусти подробности.

– В результате компромисса, – сказал он тихо, – было достигнуто соглашение, что к «ваша светлость» будет добавляться ваше грозное имя. «Ваша светлость сэр Ричард». Теперь к вам будут обращаться только так.

– Хорошо-хорошо, – сказал я с нетерпением, – хоть горшком... Впрочем, извини, ты прав, титулование и обращение очень важны в цивилизованном обществе. А «хоть горшком, только в печь не ставь» – это у дикарей... Ладно, понял, какими важными делами занимались, пока я там у папуасов их кумыс пил. Сейчас начну прием, а ты подсказывай, кто тут и что за цаца. Ты уже знаешь местных, а для меня все как попугаи с южных островов.

– Половина, – ответил он, – ни на что не способны, обычные трутни. Другая, напротив, способна на все.

– А на то, что нужно?

– Таких лучше искать не здесь.

Я пробормотал:

– Я бы сам приблизил незнатных, но резкое недовольство зачем нам... Ладно, вроде бы народ уже собрался? Кто опоздал, я не виноват. Начнем.

Он кивнул церемониймейстеру, а тот, грузный и очень представительный, повернулся к залу и провозгласил громовым голосом:

– Его светлость сэр Ричард начинает прием жалоб, просьб и предложений!

Глава 8

Подошел немолодой мужчина в пышном, но чутьчку старомодном костюме, как я это понимаю, другие сен-маринцы ярче и со всякими... да, этот проще.

Он опустился на колено и сказал густым медвежьим голосом:

– Ваша светлость сэра Ричард!.. С неба ночью упал огонь и выжег большой участок леса.

Я сказал участливо, но строго:

– Божья кара. Хочешь, чтобы я поговорил с Богом?

Он сказал торопливо:

– Все говорят, что огонь упал с неба, но у меня хорошие глаза, ваша светлость!.. Я как раз перед сном смотрел в ту сторону и думал насчет завтрашней охоты... Не завтрашней, а тогда думал о завтрашней, это почти неделю назад...

– Понял-понял, – перебил я. – Так что насчет огня?

– Он упал не с неба, ваша светлость, – сказал он твердо. – У меня и память еще не шалит! Я заметил искорку в небе как раз в момент, когда она вспыхнула, а затем стала быстро падать на лес. Хотя была ночь хоть глаза выколи, но я точно могу сказать, что на том месте высокая скалистая гора, а на самой макушке высокая каменная башня!

Я насторожился, не люблю неприятности, переспросил:

– А как было раньше? Никакой колдун не шалил?

Он покачал головой, перекрестился, и некоторые в зале, что внимательно слушают, перекрестились тоже.

– Слава Господу, – сказал он с чувством, – раньше у нас их вообще не было. Да и хозяйство мое не велико, правда... Но теперь этот вот откуда и взялся? Ваша светлость, всего за сутки до того я как-то оглядывал все со своей башенки, у меня замок тоже на горе, пусть и невысокой, и точно помню, что никакой башни не было!

– И что, – спросил я недоверчиво, – появилась всего за сутки?

Он перекрестился:

– Может быть, ваша светлость, вообще за час!.. Я не смотрел туда все время. Вчера не было, а сегодня, смотрю, есть. Откуда взялась? Я вообще-то раньше был не против колдунов, есть они ну и есть, но сейчас если изволите принять какие-то меры, то я и все мои люди пойдем с вами!

Я подумал, кивнул:

– Хорошо. Сэр Альбрехт, проследите, чтобы жалобу сэра...

– Сэра Сильвеша, – подсказал он, – владетельного хозяина поместья Пенбрабергов.

– Сэра Сильвеша, – повторил я. – Чтобы жалобу сэра Сильвеша приняли и сообщили, что удалось узнать подробнее. Я не потерплю бесчинств на землях под моей властью!..

С языка чуть не сорвалось «в моих владениях», но вовремя сориентировался, хотя барон, хитрый жук, наверняка заметил крохотную заминку в речи.

Сэр Сильвеш поднялся, сказал «ваша светлость» и скромно отступил. На его место встал высокий худой с резкими чертами лица вельможа, одет пышно, но с достоинством, сказал нервно:

– Ваша светлость, сэра Ричард! Я лорд Алоиз Мессинский, барон Нью-Вудства. Смерч Странник сошел с дороги!

В его словах было столько ужаса, что я ощутил холодок в теле.

– Что за смерч?.. Расскажите, сэра Алоиз, поподробнее. Знаете ли, по ту сторону гор их нет, это у вас тут развелись вблизи моря всякие цунами, тайфуны и прочие ураганы...

Он почти выкрикнул:

– Древний смерч, что испокон веков ходит по старым дорогам!.. Это проклятие наших земель, но за века к нему привыкли, идет медленно, обычно все мы ему уступаем...

– А если не уступить?

Он зябко передернул плечами:

– Моментально ухватит... и все!.. Но ходит медленно, все приспособились, было... неопасно. А неделю тому вдруг сошел с дороги!

– И что, – спросил я тревожно, – много разрушений?

– Пока нет, мой лорд!.. Идет по степи, потом у него на пути вроде бы лес... Но теперь неизвестно куда пойдет. А дома и пашни с его дороги так просто не убрать!

Я подумал, повелел:

– Сэр Альбрехт, распорядитесь, чтобы выделили человека... а лучше двух-трех на легких конях, что составят новый маршрут этой аномалии. Если прет по прямой, можно рассчитать, куда принесет нелегкая. Будут серьезные разрушения, сэру Алоизу будет оказана помощь из федерального центра. Нашему научно-исследовательскому комплексу, что временно располагается в монастыре под заботливым крылом отца Дитриха, дать указание поискать методы борьбы или обуздания этой штуки. Пусть пороются в старых книгах, соберут все на один лист и представят перед мои светлы очи.

Сэр Алоиз поднялся, поклонился и со словами «ваша светлость» отступил в ряды. Вперед вышел круглолицый, плотного сложения, толстый, с румяной мордой кабатчика, к моему изумлению, в кожаном панцире поверх бархатного камзола, явно подражает нашим рыцарям и хочет казаться своим или хотя бы понравиться суровым людям Севера.

Преклонив колено, он заговорил с негодованием и дрожью в голосе:

– Ваша светлость, сэр Ричард! Мой сосед, сэр Баодуин из Клерма, пользуясь моим отсутствием, отхватил от моих владений кусок долины с двумя деревеньками!

Я поинтересовался:

– А что, ваше отсутствие было таким длительным?

Он помялся, опустил взгляд:

– Нет, ваша светлость, сэр Ричард. Не длительным, но... он мог посчитать, что не вернусь.

Головы он не поднимал, что-то в нем не так, я подумал и спросил в лоб:

– Это значит, вы были в передовых частях, что сражались с нами, армландцами и брабандцами?

Он пробормотал:

– Да и не было серьезных сражений, ваша светлость. Я видел вас, я тогда командовал пешими мечниками. Сами знаете, прошло для нас не так, как хотели... Да я был, увы, в передовых частях.

Теперь, когда скрывать нечего, он поднял голову и смотрел с угрюмой надеждой.

– Вы приняли присягу новому лорду? – спросил я. – Я имею в виду... мою светлость?

Он покачал головой:

– Нет, ваша светлость. Мне это кажется не совсем честно. Все-таки наш король – Его Величество Кейдан. Это было бы... актом мятежа против законной власти.

Я повернулся к Альбрехту, но решил, что некоторые детали стоит уточнить, снова поинтересовался:

– А сэр Баодуин, отнявший у вас две деревеньки?

– И он не принес, – сообщил кабатчик, но добавил со вздохом: – Хотя, думаю, принесет ее быстрее, чем я.

– Почему?

– Он разумный человек и больше уважает силу, чем законы.

Я подумал, все замерли в ожидании соломонова решения, я произнес отчетливо:

– Закон не может быть законом, если нет силы, могущей принудить к его соблюдению. Повелеваю сэру Баоуину вернуть вам изъятое и выплатить штраф, размер которого определите по-соседски сами в ходе обоюдной дискуссии. Война окончена. Не имеет значения, воевали вы против или нет.

Его лицо вспыхнуло, глаза заблестели радостью, а в зале сдержанно заговорили. Следом преклонил колено сэр Стефан Сансерский и угрюмо сообщил, что в его владениях земля в долине за одну ночь опустилась, взамен выступила вода. Теперь там большое озеро, весь урожай погиб.

– Разберемся, – пообещал я. – Вернуть все назад не обещаю, но соседи помогут зерном, а вы пока думайте, как использовать озеро. Какая там рыба, много ли ее? Вдруг да ценная...

Затем сэр Безансон предъявил бумаги, что его род имеет права на лес Серые Ели, но тем сорок лет назад незаконно завладел дед нынешнего хозяина поместья Людогеллов и с тех пор даже перекрыл все дороги.

– Перекрывать дороги, – рассудил я, – это не совсем хорошо, как и стучать по мосту шлемами. Должно быть свободное движение товаров, людей и этих... ну, идей. Всяких разных. Кроме крамольных. И антигосударственных. А также подрывающих нашу высокую, я бы сказал, нравственность. Но мне отсюда не видно, кто из вас кто, так что это дело велю передать в местное самоуправление лордов. Они знают друг друга, как залупленных.

Альбрехт незаметно кивнул, чует, хитрый лис, что мне как-то не по себе в роли всезнающего судьи. Хотя я из тех орлов, что еще с пеленок самодовольно раздают советы и уже знают, как управлять миром, и что все взрослые – дураки, но я уже сам почти взрослый, ладно, взрослый, а это значит – понимаю, что понимаю не все.

Они подходили один за другим, одни просто излагали жалобы или просьбы, другие сперва клялись в верности, рассчитывая на добавочные шансы, я перевел дыхание и разобрался увереннее. Альбрехт понаблюдал, отошел незаметно и, как призрак, растворился в зале.

Я с усилием держал на лице улыбку великодушного и все понимающего, внимательного и заботливого, а сам начинал звереть, что такую хрень вынужден разбирать я. Надо бы создать какой-то орган для подобных дел, ну не люблю я, не люблю, хотя, по мнению моих лордов, должен бы радоваться: подобные тяжбы лордов вообще-то подлежат юрисдикции самого короля.

Когда посетителей поток иссяк, я поднялся, красивый и, надеюсь, внушающий, сказал весело и властно:

– А теперь – военный совет! Всем военачальникам прибыть в мой персональный кабинет. А также государственным мужам. Уклонившимся – виселица!.. Ладно, шутка, если кто не понял глубокого майордомьего юмора. Напоминаю непонятливым, у майордома все шутки – остроумные и смешные.

Все склонили голову, я повернулся и удалился через дверь за тронном, все предусмотрено, облеченные властью не ходят через длинные залы, когда есть пути покороче.

Пока лорды медленно и важно шли обходным путем, вежливо пропуская один другого вперед, раскланиваясь и обмениваясь любезностями, я прошел короткой дорогой, сбросил мантию, ее набросили мне там для важности, раздраженно уселся в неудобное, но внушающее кресло.

В дверь заглянул барон Торрекс Эйц, начальник дворцовой стражи, обедневший барон из Армландии, простодушный и честнейший. На прежнем месте ему хронически не везло, а здесь сразу возвысился до важнейшего поста, о котором не мог и мечтать.

– Сэр Ричард, – доложил он, – охрана удвоена!

– Зачем? – удивился я.

– На всякий случай, – ответил он. – Барон Альбрехт велел. Мы все-таки в завоеванном королевстве!

– Ждете покушений?

– Все может быть, – ответил он уклончиво.

– Хорошо, – ответил я, – только ставьте так, чтобы не слишком выпячивались. А то местные сочтут, будто и тени боимся.

Рыцари в мой кабинет заходили, одни гремящие железом и грузно топающие, другие шуршали шелками сен-маринских костюмов и распространяли изысканные ароматы. Граф Ришар опустился в кресло напротив, я снова с удовольствием рассматривал этого красивого седого льва, все еще полного силы. Волосы небрежно падают на плечи, густые и толстые, как лошажья грива, сам прям, как корабельная сосна, даже сейчас, в спокойном состоянии, крупное поджарое тело полно сдерживаемой силы. Я в который раз подивился живучести, столько глубоких шрамов, что просто чудо, как выжил и все еще без посторонней помощи взбирается в седло. И как здорово, что этот ветеран, участвовавший во всех войнах континента, граф Ришар де Бюэй, герой битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Проливе и всех войн королевства с соседями, сейчас со мной.

Макс сел возле сэра Растера, тот для него живое олицетворение рыцарского мужества. Альбрехт с тремя лордами занял место в сторонке.

Я поприветствовал всех и со вздохом облегчения рухнул в тронное кресло на возвышении, сюзерен должен быть выше остальных, здесь это подчеркивается просто и незатейливо.

– Наконец-то все свои, – сказал я громко, – так что забудем о церемониях. Я обращаюсь не к армландцам, они и так бесцеремонные дальше некуда, а больше к сэру Куно и его помощнику. Здесь все равны, я разве что чуточку равнее. Итак, у нас сейчас военный совет...

Куно поднялся и, трепеща от собственной смелости, взмолился:

– Но я не военный!.. Меня позвали, видимо, по ошибке...

– Мы все воины Господа, – сообщил я ему потрясающую новость и перекрестился. – Одни воюют за воплощение его идей оружием, другие – словом, а ты, Куно, умелым хозяйствованием. Так что наостри уши. Услышишь глупость – поправь, увидишь, как сделать что-то лучше, – говори немедленно, слушаем и даже бить не будем.

Куно поспешно сел и постарался сделаться маленьким и незаметным. Граф Ришар сказал нетерпеливо:

– Сэр Ричард, вы что-то упоминали о карте...

– Упомянул, – ответил я. – Еще как упомянул!

– Его светлость чуть не лопнул от гордости, – заметил барон Альбрехт вполголоса.

– Дык есть повод, – ответил я.

– Пора бы уже посмотреть, – проговорил Ришар, я видел, как подергиваются его пальцы от жажды поскорее ухватить и развернуть во всю ширину стола.

– Вы, как всегда, правы, – сказал я любезно.

По моему хлопку в ладоши в зал вошел слуга, я указал на свободный стол, он расстелил на нем огромный лист. Все жадно подхватились, граф Ришар первым посмотрел и тут же поднял голову.

– Сэр Ричард... это шутка?

– Нет, граф, – ответил я любезно.

– Но там... ничего нет!

– Совершенно верно, – ответил я. – Все в интересах секретности, граф.

Он пробормотал:

– Гм... Но как...

– В интересах секретности, – повторил я с удовольствием, – сделал видимой только для себя. Но теперь, когда здесь все свои, делаю видимой для всех.

Они жадно смотрели, как я быстро, сверяясь с памятью, рисую очертания береговой линии, провожу линии рек, рисую озера, холмы, ущелья, отмечаю мосты, переправы вброд, а когда слуга принес цветные чернила, я начал отмечать города, оазисы, горячие пески и пло-

родные долины, а в завершение эффектно провел линию Великого Хребта и отметил место, где он опускается в океан.

– Здесь живут огры, – сообщил я. – В худшем случае они просто воздержатся от войны на стороне кочевников.

Граф Ришар завороченно смотрел на карту, а барон Альбрехт пробормотал:

– В худшем? Я бы назвал это лучшим.

Я покачал головой:

– Обижаете, барон.

– Что не так? – спросил Альбрехт.

Все в ожидании смотрели на меня, я сказал как можно небрежнее:

– Я подружился с ними и почти уговорил выступить на нашей стороне. Гарантии нет, но...

В зале наступила гробовая тишина, на меня смотрели непонимающими глазами, на лицах смятение.

Альбрехт сказал осторожно:

– Вам удалось... подружиться с ограми?

– Удалось, – ответил я скромно. – А вот эта штука... где же она... ага, вот!.. это зуб редкого морского зверя – подарок вождя огров великого и ужасного Аянбека. Когда будем в тех краях, напомните, чтобы я повесил на грудь. Сэр Альбрехт, я вижу тысячу вопросов в ваших глазах, но лучше не вникать в мелочи. Установил с ними дружбу и установил. Как?.. Да ерунда, ну что вы, право... Другие пусть ищут свои пути налаживания контактов. Давайте лучше прикинем, как поведем войска...

Сэр Альбрехт пристально смотрел на меня, но граф Ришар уже вел пальцем по карте, голос его прозвучал приподнято-деловито:

– Города укреплены хорошо?

– Там очень интересное государственное устройство, – сказал я. – В городах живет завоеванное население. Но это вовсе не значит, что нас примут с распростертыми объятиями...

Они слушали очень внимательно мой пространный рассказ о ста семидесяти карликовых королевствах, о кочевниках, о постоянных войнах племен и ежедневных набегах друг на друга, только барон Альбрехт пару раз вскинул голову и посмотрел на меня очень внимательно. Я подумал, что надо будет все же сочинить что-то правдоподобное, объяснить такие глубокие и свежие данные. Не на постоялом же дворе я купил такую карту и все разузнал... хотя почему нет?

Граф Ришар, как единственный, кто водил объединенные войска лордов и умеет управляться с большим скоплением людей, начал с ходу намечать варианты, как и где нанести первый удар. Полководцы слушали внимательно, спрашивали, постепенно начинали спорить, предлагать свое, я слушал, всматривался в их лица, горящие азартом, вслушивался в слова, вернее, в то, как произносятся.

На самом деле кочевые народы завоевывать вообще легко, хотя поверить в такое трудно. Все эти ужасающие армии Чингисхана, Атиллы и прочих татаро-монголов приводят в трепет только натиском, внезапным нашествием. В обороне ничего не стоят, что и было легко доказано русскими князьями, страдавшими от набегов печенегов и половцев. Рассердившись, собирали войска и ответными походами опустошали земли всех этих куманов, но едва уходили, там все начиналось снова. Окончательная победа пришла только тогда, когда начали строить на захваченных землях крепости. И – не стало самих печенегов, влились в местный этнос славян, а половина половцев, не возжелавших осесть по приказу русских князей на землю и заниматься хлебопашеством, ушли на свободные земли Паннонии, где их вскоре покорили прибывшие венгры и все-таки заставили осесть и пахать.

Аттила был ужасен, но никому из европейских государей не приходило в голову собрать войско и двинуться в земли гуннов. Все прекрасно понимали: кочевые народы идут в эти опасные походы от нищеты и крайней бедности, им лучше умереть в бою, чем в грязи от голода. В скудных монгольских степях нет ничего, кроме барханов и жесткой травы. Ее не станут есть европейские кони, избалованные ячменем, овсом, а то и отборной пшеницей, и потому походы туда бессмысленны.

Но в моем случае, если хочу избавиться от постоянной угрозы, придется не просто вторгнуться большим войском, но и спешно строить там крепости. Иначе после нашего ухода кочевники быстро оправятся от любого разгрома. Да и не будет разгрома, они могут сколько угодно водить за собой тяжелое крестоносное войско, как скифы таскали победоносную армию царя Дария, от которой в конце концов ничего не осталось, а сам Дарий убежал просто чудом.

Сэр Растер первый заскучал, все эти стратегии-тактики – дело непонятное и скучное, главное – тяжелый удар рыцарской конницы с опущенными копьями.

– Нам нужно, – сказал он громовым голосом, – вторгнуться. А там, с Божьей помощью – победим!

Я сказал убежденно:

– Одной веры в Творца недостаточно. Для продвижения в Гандерсгейм... а также на юг нужна еще и прочная идеология.

Он спросил озадаченно:

– А это что?

– Вера, – объяснил я, – это то, ради чего умирают, а идеология – ради чего убивают.

Глава 9

Граф Ришар попросил позволения скопировать хотя бы участки карты для своих полководцев, я велел сделать это настоятельно, раз уж двинемся, как он мудро решил, тремя колоннами. Наконец я отпустил всех, Куно, как всегда, почтительно пропускал знатных рыцарей, а они все знатнее, и пристроился в конце, а когда был уже на пороге, я сказал строго:

– А вы, сэр Куно, оставайтесь.

Он вздрогнул, обернулся с бледной улыбкой, испуганный и трепещущий, поспешно поклонился:

– Да-да, ваша светлость! Как скажете.

Я сказал с досадой:

– Что у тебя всегда такой виноватый вид? Казну обобрал?.. Еще нет?.. А что, уже собираешься?

Он замотал головой.

– Сэр Ричард, – воскликнул он умоляюще, – как можно!

– Да смотришься таким, – объяснил я. – Садись вон там и докладывай. Коротко, но подробно. Сколько украл, когда, где, зачем, куда истратил или сложил в кубышку.

Он сказал умоляюще:

– Да ничего я не крал!.. Ваша светлость, я набрал штат помощников, как вы и велели, они составили свод законов, их вам предстоит подписать...

– А прочесть можно? – поинтересовался я язвительно.

Он вздрогнул:

– Простите, ваша светлость! Конечно, вы наверняка изволите внести поправки...

Я отмахнулся:

– Вряд ли. Ты уже знаешь, что надо делать. Но все равно принеси, я должен просмотреть государевым оком. А вообще... чтоб ты знал, я тебя могу проверить в любой момент. Не зарывайся.

Дверь осторожно открылась, церемониймейстер осторожненько заглянул и сказал с виноватостью в голосе:

– Простите, ваша светлость, к вам Великий Инквизитор...

– Отец Дитрих? – переспросил я. – Зови, он зря не явится.

Он отступил в сторону, поклонился кому-то, невидимому мне. В комнату медленно вошел бледный отец Дитрих, его осторожно поддерживал под руку мрачный и сердито сопящий сэр Растер.

Я вскочил в испуге:

– Отец Дитрих! Что случилось?

Он слабо улыбнулся.

– Нет-нет, все в порядке. Ступенька в старом монастыре прогнила, но я катился не так уж и далеко, хотя...

Я торопливо придвинул кресло:

– Садитесь, садитесь немедленно! Сэр Растер, оставайтесь, поможете на обратном пути. Мы тут занимаемся всякими пустяками, в смысле обустройством королевства, но это такие мелочи в сравнении с делами духовными...

Отец Дитрих вяло отмахнулся:

– Ох, оставьте это для проповедей... Еще не читаете? А уже готовы, даже выражение лица вполне, вполне... Обустроить королевство необходимо прежде всего для того, чтобы ничто не мешало думать о духовном пути...

– Этим и занимаемся, – заверил я. – Сейчас вот с Куно продумываем законы, воплощающие в себе величественную идею равноправия! Как вот все равны перед Творцом, так должны быть равны и перед законом.

Куно кивал и мысленно записывал, такой у него сосредоточенный вид, но сэр Растер спросил обиженно:

– Это как? Я, благородный рыцарь, и грязный простолюдин, будем равны? Сэр Ричард, это недопустимо!

– Равны, – сказал я твердо. – Сегодня же подпишу закон, Куно его уже составил. Запрещаю спать под мостом и красть хлеб одинаково всем: богатым так же, как и бедным!

Растер попытлся, подумал, не его дело составлять законы, звучно и с озадаченным видом поскреб затылок.

– Ну-у-у... – прогудел он в затруднении, – вообще-то вы где-то правы, мой лорд. Я как-то не подумал о такой стороне законности и равноправия. Да-да, справедливость должна быть...

Отец Дитрих сказал ласково:

– Спасибо тебе, сын мой. А теперь иди, там внизу рыцари уже составляют столы для пира. Растер посмотрел на него обеспокоенно, потом с надеждой на меня. Я кивнул:

– Идите, сэр Растер. Без вас точно поставят криво.

Он поспешно приложился к руке отца Дитриха и отбыл.

– *Santa simplicitas*, – сказал отец Дитрих.

– Да уж, – согласился я, – он самый. Святой отец, Господь дал десять заповедей для всех двуногих. Постепенно мы и законы приведем в соответствие с заповедями. Сперва, как вот благосклонно одобрил сэр Растер, будем вешать каждого, кто по ночам прячется под мостом, вне зависимости от знатности или бедности, а потом и к суфражизму подойдем осторожными шажками.

Он переспросил с непониманием:

– Суф... суфражизму?

Я отмахнулся:

– Это еще не скоро понадобится. Когда рождаемость упадет и рабочих рук не будет хватать остро. А сейчас давайте подумаем над...

Дверь приоткрылась, барон Эйц вошел, сильно смущенный, не ждал, что у меня все еще гости, да еще такие, плотно прикрыл ее за собой и остановился в нерешительности.

– Ваша светлость...

– Говори, – сказал я недовольно. – Что замолчал? Я знаю, ты зря не зайдешь.

– К вам гость, – ответил он кратко.

– Кто?

– Просил не называть его по имени. Но сказал, что примете его с охотой.

Я проворчал:

– Сейчас я никому не рад.

Он поклонился и взялся за ручку двери:

– Значит, велеть прийти завтра?

Отец Дитрих сказал поспешно:

– Погоди. Это может быть очень важное. Куно, помогите мне подняться... Вот так, спасибо. Ничего, к двери могу и сам, но спасибо... Сэр Ричард, примите гостя, пожелавшего остаться неизвестным! И не стесняйтесь в таких случаях выпроваживать гостей. Даже таких любезных вам, как я. Сюда будет набиваться все больше народу и все чаще, вы должны уметь ставить заслоны.

– Но, отец Дитрих! – запротестовал я.

Он покачал головой:

– Нет-нет. Я зашел просто удостовериться, сын мой, что ты вернулся целым и полным христианского рвения.

– Но мы еще не успели...

– Я все увидел, – прервал он. – Занимайся королевством. На твоих плечах большая тяжесть, сын мой.

Они с Куно вышли, сэр Торрекс застыл в нерешительности. Я сказал с раздражением:

– Поверим чутью отца Дитриха. Приведи, но будь у этого гонца за спиной. И проверь хорошенько по дороге сюда. Сейчас он где?

– В саду.

– Это хорошо. Можно успеть понять, чем он вооружен.

– И чем защищен, – добавил он негромко. – Я все сделаю.

Его шаги затихли в коридоре. Я прикинул, сколько времени понадобится, чтобы доставить незнакомца сюда, уселся поудобнее и перешел на тепловое зрение, а затем и на запаховое. Комната исчезла, я очутился в жутковатом вращающемся мире, полном цветных пятен и диких красок, которым просто нет и не может быть названия, так как это не краски, а запахи, но кислотовато-красная шершавость или сладость оранжевости может сдвинуть сознание весьма...

Послышались чересчур громкие шаги. В горьковатой прелости шалфея возникла дыра. Тепловое зрение услужливо нарисовало две фигуры, в одной узнал Эйца, я на него уже и раньше смотрел тепловым, а вторая, поменьше и спектром потемнее, принадлежит, как я понимаю, гонцу. Вроде бы ничего скрытого под одеждой, человек насторожен и взволнован, но нет особой агрессии, нет и готовности броситься на меня...

Переход к обычному восприятию мира сопровождался таким же приступом тошноты, я кое-как подавил его, поднял голову. Перед глазами мутные фигуры четверых, сдвинулись в две, затем восстановилась резкость, хотя мутные пятна еще какое-то время плавали в воздухе, постепенно растворяясь в нем.

Гость, крепкоплечий мужчина с рыжими волосами и короткой рыжей бородкой, низко поклонился. Под дорожным плащом просматривается очень дорогая одежда, а в этом королевстве, как и везде, существует закон, не разрешающий простолюдинам носить шелка или бархат. Значит, из благородного сословия как минимум.

Барон сказал негромко:

– Перед вами майордом Ричард. Преклоните колено!

Я сказал недовольно:

– Мы одни, никаких церемоний. Кто вы и кто послал?

Гонец все же преклонил колено и, глядя снизу вверх, ответил спокойным и твердым голосом:

– Я виконт де Голдинвуд. Послал меня тот, кого вы и сейчас еще готовы убить.

Я взглянул на барона, тот понял и тихонько вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

– Таких много, – сказал я холодно, – но, как я понимаю, это слова Арнульфа.

Виконт сказал почтительно:

– Он сказал, вы так и ответите. Мне велено доставить вам некий дорогой вам лук...

– Где он? – спросил я быстро.

– В гостинице, где я остановился. С собой взять не рискнул.

– Правильно сделали, – одобрил я. – Я пошлю с вами людей. Что-то еще?

Он колебался, наконец обронул:

– Не знаю, стоит ли говорить...

– Почему? – спросил я.

– Мне было велено только доставить лук, – ответил он.

– Лук доставлен, – сказал я. – Что в Ундерлендах?

– Ничего не изменилось, – ответил он. – Только посла от вашей светлости Его Величество в гнев велел заточить.

Я вскочил, кровь бросилась в голову, горячей волной залила щеки.

– Что?

– Он в темнице, ваша светлость.

Я прорычал, не узнавая своего голоса:

– Мой посол? На каком основании?

– Как изменник, – произнес виконт. – Ваша светлость, не гневайтесь! Вы уже не завоеватель, с которым можно вести переговоры. Позвольте смиренно напомнить, вы приняли титул маркграфа.

– И что?

– Тем самым признали власть короля, – ответил он торопливо, – над своими подданными. И, как следствие, барон Фортескью разом потерял неприкосновенность.

Я стоял над ним, коленопреклоненным, мышцы закричали от натуги, когда я пытался разжать сведенные судорогой руки. Он склонил голову, страхась видеть мое искаженное лицо.

– Это... оскорбление, – прохрипел я. – Зачем он это сделал?

Виконт сказал осторожно:

– Как король... он вправе так поступать со своим подданным. С точки зрения права вы тоже, ваша светлость, его подданный.

– Пусть и не надеется, – прорычал я.

– Вы его подданный, – повторил он, – хоть и с достаточно большими правами. Но за вашими плечами войско. Вас бросить в темницу не смог бы. А вот барона Фортескью...

– Барон выполнял мое поручение, – сказал я люто. – Отвечаю за его слова и поступки я! Потому... потому... хорошо же, этот королишка получит ответ!

Он поднялся, не дожидаясь моего разрешения или же решил, что стоял так достаточно долго для любого этикета, выставил перед собой ладони:

– Ваша светлость!.. Ваша светлость!.. Только успокойтесь, все, что вы сделаете во гневе, только повредит вам и вашим реформам.

Я остановился, смерил его злым взглядом:

– Что ты знаешь о моих реформах?

Он поклонился:

– Достаточно, чтобы желать вам успеха. Герцог Ульрих и его люди следят за ними с надеждой.

– Ты из ордена? – спросил я.

Он посмотрел с удивлением:

– Какого ордена?

Я кивнул:

– Спасибо, ты уже ответил. Скоро прибудет герцог Готфрид, они с герцогом Ульрихом смогут взяться за восстановление Арндского королевства гораздо интенсивнее. Так и передашь герцогу Ульриху. Конечно, с некоторыми поправками и добавлениями.

Он поклонился, лицо не дрогнуло, произнес смиренно:

– Да, ваша светлость. Все, как прикажете.

– И что сейчас с моим послом?

Он ответил ровным голосом:

– Ждет приговора.

– Короля?

– Королю, – объяснил он осторожно, – как мне кажется, уж простите, хотелось бы, конечно, решить его судьбу лично.

– А что мешает?

– Дела такого рода требуют приговора суда лордов.

Я переспросил:

– Что, у короля так мало власти?

Он пожал плечами:

– Как сказать... обычно решение всегда совпадает с мнением Его Величества. Кроме совсем уж, скажем так, трудных случаев.

Я переспросил снова:

– А этот случай?

– Думаю, – ответил он бесстрастно, – этот не будет трудным. Маркграф может присылать ко двору Его Величества только гонцов, но не послов.

Я молчал, стиснув челюсти, кровь в висках начинает стучать все громче. Он не двигался, наблюдая за мной, как паук-прыгун за толстой и жирной мухой.

– Но еще не собрал суд лордов?

– Нет.

– Не успел? Их что, нужно созывать по всему королевству?

Он покачал головой:

– Ваша светлость, вам необязательно слушать мнение простого гонца...

– Говорите, – велел я. – Говорите, виконт де Голдинвуд.

Он деловито кивнул, я чувствовал, что между нами уже установилась более прочная связь, чем у него с королем, мы оба маршалы, он так понял, мои интересы теперь для него выше, чем кейдановские.

– Его Величество, – произнес он осторожно, – вполне возможно, сознательно не спешит созывать суд лордов... чересчур поспешно. Для него важно еще знать, как поступите вы. Его Величество человек вспыльчивый, но и осторожный.

Я смотрел в его лицо, стараясь понять, что кроется под этой информацией, затем сказал люту:

– Сделаем так... Эй, сэр Торрекс! Ко мне!..

Барон ворвался с обнаженным мечом, за ним еще двое очень быстрых воинов с дротиками в руках наготове.

– Ваша светлость, – спросил Эйц, он не сводил враждебного взгляда с гонца и готов был мгновенно снести ему голову. – Только прикажите!

– Немедленно возьми отряд, – велел я хриплым от ярости голосом, – пройди по залам, схвати и заключи под стражу всех наиболее знатных лордов, что остались верны королю Кейдану.

Он вскрикнул с превеликой готовностью:

– Сделаю немедленно!.. Только как отличить... кто ему все еще верен?

– Сам догадайся, – буркнул я и повернулся к гонцу. – Передайте своему правителю в изгнании, что велю казнить всех схваченных, если с головы моего посла... посла!.. падет хоть один волос.

Он вскрикнул шокированно:

– Ваша светлость!

– Что? – прорычал я.

Он отшатнулся:

– Но... как можно? Так нельзя!

– Можно, – прошипел я люту. – Эта сволочь еще не знает, с кем решила потягаться! И кровь всех казненных мною будет на короле Кейдане!.. Так и передайте. Но сперва расскажите по дороге лордам о моем зверском решении.

Он проговорил напряженно:

– Я не понял хода ваших мыслей. Разве это прибавит им симпатии к вам?

– Не нуждаюсь, – прорычал я, прекрасно понимая, что бесстыже вру, – зато это заставит их надавить на Кейдана! Уверен, у многих здесь родня и связи. Есть люди, которые просто не могут без связей. И таких почему-то много.

Глава 10

Виконт ушел вместе с начальником стражи, я бешеным взглядом сверлил закрывшуюся за ними дверь, потом опустил лоб на кулаки и постарался дышать спокойнее, утихомиривая разбушевавшееся сердце. Кейдан не сразу схватил барона Фортескью, тот прибыл от меня в Ундерленды за сутки до того, как меня там сцапали самого. И все это время Кейдан, как ни ярился, барона не трогал, хотя я уже висел в застенке в полной беспомощности, а Кейдан велел меня пытаться так, чтобы я охрип от крика.

Не стал трогать барона даже после дарования мне титула маркграфа. Почему? Вернее, почему велел схватить только теперь?

По хлопку в ладоши мгновенно распахнулась дверь. Слуга возник в дверях, крупный, сильный, готовый закрыть меня грудью от любой беды.

– Да, ваша светлость?

Я бросил резко:

– Графа Ришара ко мне!

– Сейчас доставлю...

– Еще барона Альбрехта, – велел я, – Альвара Зольмса и Арчибальда Вьеннуанского. Они там внизу уже пируют, свиньи полосатые... Лорд мыслит, а они пируют!

Первым явился сэр Растер, хотя его не звали, но рубака-рыцарь не понимает, как это можно без него что-то решать. Я промолчал, он с важным видом уселся так, чтобы видеть всех. Остальные рассаживались по мере того, как заходили.

Последним вбежал, запыхавшись, благородный сэр Альвар Зольмс, в прошлом командир двух полков элитной конницы в Фоссано, а теперь мой военачальник, опытный, несмотря на молодость, и решительный в действиях. За время боев в Сен-Мари на подбородке прибавился еще один шрамик, молодой рыцарь сам всегда ведет тяжелую конницу в атаку, но морщинки у глаз весьма ощутимо разгладились от привольной городской жизни в столице.

Я начал рассказывать о проблеме раньше, чем все заняли свои места. Рыцари мрачнели, впереди поход в Гандерсгейм, слава и подвиги, боевые трофеи, а тут мелкие дворцовые интриги. Сэр Растер начал тихонько ругаться, от его громового голоса пламя свечей задрожало, а на стене зазвенели металлические чаши светильников.

Граф Ришар отсел ближе к камину, в задумчивости положил ноги на узорную решетку, словно по ту сторону все еще горит огонь, лицо стало до крайности задумчивое.

– Его Величество, – проговорил он мрачно, – узнал нечто еще. Что-то резко усиливающее его позиции. Или ослабляющее ваши, что вообще-то одно и то же.

– Или его сумели убедить, – добавил барон Альбрехт, – действовать решительнее.

– Нет, – сказал сэр Альвар, – не это.

– А что?

– Не знаю...

– Тогда помалкивай, – сказал сэр Растер сердито. – Пока не придумаешь что-то дельное!

– Возможно, – продолжал Ришар тем же задумчивым тоном, – его убедили, что вы почему-то безвредны? Или у вас связаны руки?

– Кем?

– Императором, к примеру.

Я подумал, покачал головой:

– С берега кораблем не правят.

Он посмотрел непонимающе:

– Вы о своем будущем флоте?

– О правлении императора, – ответил я. – Я принимаю его власть, что еще?.. Он слишком далек, чтобы указывать мне каждый шаг и поворот штурвала... Мне на месте просто виднее. Император не дурак, ситуацию понимает.

Ришар сказал с сомнением:

– Хорошо бы. Нет-нет, я не сомневаюсь в мудрости императора, но он может переоценивать свое влияние. Возможно, Кейдан решил, что вы просто стерпите?

– С какой стати?

Он ухмыльнулся:

– Из милосердия. Вы отобрали у него почти все королевство! Теперь можете в чем-то проявить снисхождение.

– И позволить ему казнить моих людей? – спросил я едко.

– Барон Фортескью, – напомнил сэр Альвар, – подданный короля. И, думаю, сам барон Фортескью этого не отрицает.

Куно наконец задвигался, закричал, на него начали оглядываться, я сказал с нетерпением:

– Куно, давайте без церемоний. Если пукнуть невтерпех, не стесняйтесь. Вон вокруг сэра Растера целая желтая завеса, но сэр Арчибальд вроде и не замечает. Воспитанный, значит.

– У меня насморк, – сообщил Арчибальд Вьеннуанский, но на всякий случай отодвинулся от насупившегося рыцаря. – Нежный я, у нас климат, а не погода, как у вас там где-то.

– А если Его Величество, – сказал Куно несмело, – полагает, что вы, человек дела, в первую очередь заботитесь о... скажем так, общих интересах? В последнее время он был под сильным влиянием рыночных отношений... Человеческие жизни в этом случае весят не так уж и много...

На него посмотрели с таким удивлением, что он смешался и умолк, виновато опустив глаза.

Я сказал раздраженно:

– Если так мог подумать, это просто дурак, а не король! Мы с Севера, а там честь и достоинство всегда выше любых прибылей. Дурак, не понимает, что, поступи я иначе, меня мои же лорды разорвут в клочья, как последнее ничтожество!..

Барон Альбрехт аристократически поморщился, красиво поддернул манжеты на запястьях.

– Вам не стоит так часто бродить среди простонародья, – заметил он надменно. – Слов каких набрались... Мы же не стая собак.

– Но, по сути, не возражаете, – сказал я. – То-то. Ладно, заканчиваем. Подождем реакцию короля. От меня тоже ждут, какотреагирую, вот и послал отчетливый сигнал! Надеюсь, очень ясный.

Ришар кивнул.

– С бароном Фортескью ничего не случится, пока Его Величество не убедится, что волен поступать со своим подданным как хочет, а вы помалкиваете. Даже если все лорды его Верховного Суда и скажут, что барона нужно казнить немедленно.

Арчибальд проговорил со своего места несмело:

– Мой отец, верховный лорд Жерар Фуланд, всегда говорил, что из любой тюрьмы выход есть, а из могилы – нет. Полагаю, барон Фортескью в безопасности до прибытия гонца с известием о вашем решении. А тогда уже Его Величество что-то решит.

Ришар кивнул с одобрением:

– Хорошо сказано.

– А почему, – спросил я, – не схватил барона сразу? Чего выжидал?

– Возможно, – предположил Арчибальд, смелея, – ждал вторжения в Ундерленды. Но когда этого не случилось, он и начал свою игру.

– Что и следовало ожидать, – добавил Ришар. – Он не хочет довольствоваться статус-кво, когда вы в Геннегау правите всем королевством, а он сидит в крохотных Ундерлендах, отгородившись непроходимыми пропастями земель дьявола.

Я посмотрел с удивлением:

– А это еще что за земли дьявола?

Он отмахнулся:

– Да вы знаете... Бывали там. И хаживали.

– Не припомню, – ответил я настороженно. – А память у меня как у стада голодных слонов.

– Почему голодных?

– У сытых память спит, – объяснил я. – Что за земли?

– Вы через них ехали, – напомнил он. – Когда в Ундерленды... И обратно тоже. Другой дороги там нет.

Меня осыпало жаром, я ощутил запах горячей почвы, вспомнив эту страшную, вечно раскаленную землю, отделившую Ундерланды от остальной части Сен-Мари. Исполинские ущелья, полные кипящей магмы, то и дело выстреливают из недр огненными протуберанцами. Пласты земли часто подрагивают, из глубин доносится гул, с треском возникают пламенные щели, похожие на вход в ад.

Немногие могут пробираться в Ундерленды, там извилистая тропа под отвесной горой, где из нор выстреливаются, как арбалетные болты, ужасные гарпии. Когда вылетают большой стаей, затмевают собой небо. Только отряд закованных в лучшие доспехи рыцарей в состоянии пройти, а в середине под защитой постоянно стреляющих лучников и арбалетчиков прячется королевский гонец или другой важный человек.

Я передернул плечами:

– Да хрен с нею, этой страной дьявола, или как ее там. Пусть и дальше отгораживает. Я бы еще шире пропасти сделал, чтоб он там застрял навеки. Ладно, всем спасибо за обсуждение. Перчатка на поле короля, посмотрим, как ответит.

Они поднялись, сэр Арчибальд толкнул задремавшего сэра Растера, и все один за другим вывалились в коридор. Я раздраженно слышал, как уходят весело и беспечно, кто-то даже затянул веселую песню, я же их выдернул прямо из-за стола, а что может быть лучше застолья, разве что кровавый пир на поле брани!

Вскоре заглянул слуга и сообщил шепотом, что прибыл человек, которого я уже принимал сегодня.

Я махнул рукой:

– Давай.

Он исчез, в комнату вошел тот крепкоплечий и рыжебородый виконт де Голдинвуд, в руках нечто завернутое в простую мешковину, размер в половину его роста.

Сердце мое застучало чаще. Виконт медленно и торжественно развязывал туго затянутые узлы. На поясе нож, но вытащить и перерезать не решается, незримыми телохранителями жест может быть истолкован неверно, а пасть пронзенным арбалетными стрелами из-за недоумения может только дурак.

Мешковина рухнула на пол, лук заблистал, как золото. Барельефы на обеих половинках в свете колеблющегося пламени свечей задвигались, будто живые.

– Наконец-то, – выдохнул я. – Как я по нему соскучился... Только он и остался от полного доспеха.

Виконт произнес почтительно:

– Сочувствую. Представляю, каким тот был.

– Не представляете, – ответил я. – Такие будут делать не скоро. Хотя, надеюсь, вообще не будут...

На его лице проступило озадаченное выражение.

– Ваша светлость?..

– Пойдем другим путем, – объяснил я.

– Безлуковым?

– Скорее арбалетным, – ответил я. – И дальше.

Руки мои приняли лук, он показался тяжелее, чем раньше, в сердце кольнула тревога. Я вспомнил, что сперва с легкостью натягивал его лишь в доспехах Арианта, потом стал и без них, по мере роста моего паладинского опыта, но как сейчас... после той нечеловеческой схватки, когда погиб Логирд?

Виконт наблюдал, как я трогаю, глажу, ощупываю барельефы, в глазах ожидание, но я натягивать не стал, попробую без лишних глаз, сказал уже другим голосом:

– Передайте Арнульф, я принял посылку.

Он поклонился:

– Что-нибудь еще?

Я смотрел прямо, не моргнув глазом, ответил бесстрастно:

– Нет. Просто, я принял.

Он еще раз поклонился, отступил к двери. Двое слуг тут же распахнули перед ним двери.

Он вышел, я прислушался к долетающим снизу воплям. Понятно, пир в разгаре. По головам чувствуется, среди слуг появились молодые женщины, это как водится. Блюда носят хуже мужчин, но у пирующих настроение резко идет вверх, промахи не замечают, разве что в наказание ущипнут за спелую ягодицу.

Всем хорошо, только я, как загнанный зверь, мечусь в королевском дворце, который не совсем уж и мой, злюсь, не желая все это оставить, но придется, и все злее в мозгу всплывает мысль: а почему бы и нет? Если уж начистоту, то не пора ли замахнуться на нечто повыше, чем маркграфство. Хотя бы на герцогский титул, а там... себе-то признаться могу?.. и на королевский трон. Почему нет? Не думаю, что я глупее Кейдана. Правда, его поддерживает вся клановая система, а я лишь пытаюсь опираться на военачальников и на тех рыцарей, которым раздал земельные наделы. Но таких немного, к тому же за ними не стоят многочисленные семьи, где каждое поколение вращалось корнями и завязывало прочные связи с более могущественными лордами.

Короля играет свита, у меня такой свиты пока что нет. А у нас европейское мышление, здесь безродные чингисханы или аттилы не пройдут.

Но... и я не всего лишь Чингисхан или хромой Тимур. И трон будет мой. И королевство – мое!

Не находя себе места, я вышел из дворца одновременно злой и униженный, иш, моего посла в темницу, и в то же время кипящий от желания что-то делать, рушить, ломать, а на обломках возводить нечто прекрасное...

Ноги сами принесли к строящемуся собору. По дороге в залах сразу пристроилось сзади несколько местных придворных, самые смелые, а впереди побежали четверо дюжих телохранителей с пиками с руках, расчищая дорогу.

Как и надеялся, среди работающих мелькнула оранжевая хламида отца Дитриха, он руководит инженерами так умело, словно всю жизнь только и возводил соборы, а не жег людей на кострах. Правда, это я так, со зла. Жечь стал, понятно, сравнительно недавно, не родился же Верховным Инквизитором, а раньше вообще неизвестно кем и был. Может, и в самом деле строил.

– Отец Дитрих!

Он обернулся, ряса в опилках и брызгах извести, даже волосы испачканы, но в глазах тихая и совсем неинквизиторски светлая радость.

– Сын мой, – сказал он отечески, – можешь возрадоваться, стройка идет даже быстрее, чем рассчитывали!

Я ухватил его руку и поцеловал.

– Вашими усилиями, отец Дитрих.

Он помотал головой:

– Нет, здесь строители смышленнее. И умелее. Никогда соборы не строили, но быстро ухватили, что и как делать. Словно им Господь сам подсказывает!

Я засмеялся:

– Думаете, в таком великолепном соборе и другие ощутят присутствие Творца?

Отец Дитрих посмотрел с ласковой укоризной.

– Бог, – ответил он мирно, – который позволил бы нам удостовериться в своем существовании, был бы не Богом, а идолом.

Я пробормотал в неловкости за глупую шуточку:

– Гм, ну да... Я рад, что вам эта стройка нравится.

Он тяжело вздохнул:

– Я и рад бы забыть, что я еще и Великий Инквизитор! Но то и дело приходят просьбы вернуться в Зорр или в другие королевства, разобраться с нарушениями церковных законов. Всем кажется, что самое важное именно у них. Но направляю туда лишь легатов да подписываю разные указы и постановления. У них просто святые места, если сравнивать с тем, куда вы нас привели...

Я виновато развел руками:

– Увы...

Он сказал отечески:

– Не извиняйся, сын мой, ты сделал великое дело. Мы должны радоваться тяжелой работе, а не прятаться от нее, как собаки от мух. Всем нам, чего греха таить, хотелось бы беспечной жизни. Но никто еще не попал в рай, лежа на диване и попивая сладкое вино! А вот с поля боя, с креста, плахи, из застенка... Господь наш взошел в рай в страданиях, так почему же мечтаем попасть туда, возлежа на перине из лебяжьего пуха? Разве нам не указано на примерах, что надо идти до конца? Каким бы тернистым ни был путь?

Я зябко повел плечами:

– Такие страсти говорите. Но это сейчас мир жесток. Но когда-то жизнь станет мирной?

– Мирной никогда не станет, – заметил он.

– Что, всегда воевать будут?

Он посмотрел удивленно:

– Почему воевать? Люди могут страдать не только в условиях войны. Старое сдается с трудом, первый ряд воинов обычно гибнет... Они уж точно попадут в рай. Как и те, кто напряженно трудится всю жизнь, забывая о мирских радостях.

– Это трудно, – пробормотал я. – Одно дело – подвиг, это дело минуты, другое – годами пахать одно и то же поле и знать, что так до конца жизни. Это своего рода мученичество!

Он невесело улыбнулся, в словах прозвучала слабая ирония:

– Церковь стоит на крови мучеников, сэр Ричард. Жить и умереть за веру – привилегия, а не беда или несчастье. Может быть, когда придет смертный час, я буду жалеть, что не удостоился чести быть распятым, как святой Петр, колесованным, как святой Усмар, или сваренным в кипящем масле, как великомученик Агилай.

Я перекрестился и сказал совершенно искренне:

– Свят-свят, отец Дитрих! Такие страсти рассказываете. Я мечтаю о том времени, когда люди вообще не будут страдать.

– Это только в Царстве Небесном, – ответил он. – Но на земле такое не построить.

Глава 11

По площади простучали конские копыта, в нашу сторону мчится десяток вооруженных всадников, телохранители насторожились, но с коня спрыгнул барон Эйц, он начальник дворцовой стражи, но, будучи родом из Армландии, должность понимает как охрану сюзерена, а сам дворец без моей светлости ничто, по его мнению.

Его люди рассыпались по площади и не позволяли народу ринуться ко мне и затоптать со своими прошениями, жалобами и кляузами, а барон подошел быстрыми четкими шагами.

Колено преклонять не стал, видимся слишком часто, сказал почтительно:

– Мне придется заделать эти боковые двери. Слишком их много... вашей светлости что-нибудь угодно?

Я отмахнулся:

– Ничего не надо, спасибо, сэр Торрекс.

Он спросил упрямо:

– А святому отцу?

Я с интересом посмотрел на отца Дитриха:

– Желаете чего-нибудь, ваше преосвященство?

Он покачал головой:

– Спасибо, сын мой. Я сыт.

Сэр Торрекс с разочарованным лицом развел руками, а я сказал со смешком:

– Отец Дитрих, а вас любят!.. Что вообще-то странно. Подумать только, Великого Инквизитора!

Он покосился с некоторым удивлением:

– А кто им дает представления на площади, сжигая ведьм и чернокнижников? Все любят смотреть, как жгут продавших души дьяволу.

Я засмеялся, что-то сам туплю, простой народ в самом деле инквизиторов любит, те никогда не трогают их, а все среди богатых находят добычу для костра, среди знатных, грамотных.

– Хорошо, – сказал я с чувством. – Чистое, незамутненное счастье... Приятно вернуться к друзьям, где тебе рады, где все хорошо, все идет правильно...

Отец Дитрих не стал советовать сплунуть, это язычество, но во взгляде была укоризна. Сэр Торрекс не уходил, а перехватив мой взгляд, сказал уже негромко:

– Только что прибыл гонец от сэра Норберта. Тот сообщает, что к нам едет прелат из Ватикана! Всего в двух днях пути от Геннегау!

Отец Дитрих вздрогнул, мне даже показалось, что переменялся в лице:

– Прелат? Где он?

Сэр Торрекс выпалил с готовностью, повернувшись к нему, словно отец Дитрих здесь главный:

– В сутках пути отсюда. Видимо, между Ангулем и Першем.

Отец Дитрих почему-то быстро взглянул в мою сторону, лицо напряглось:

– Хорошо, нужно успеть подготовиться.

– Как? – спросил я. – Кроме покоев... Что-то особое?

Он покачал головой:

– Нет, люди из Ватикана, что бы о них ни рассказывали, на самом деле неприхотливые. Приготовиться надо иначе... Провести ночь в бдении перед распятием Иисуса, подумать о себе и своей жизни, вспомнить, что сделано не так, и попросить у Господа прощения...

Я сказал сэру Торрексу:

– Отправьте гонца в домик с красной крышей, он сейчас свободен, пусть отдохнет. А мы подготовимся к приему высоких гостей.

Он сказал с готовностью:

– Я могу подобрать для них покои!

Я взглянул на отца Дитриха. Тот кивнул.

– Только позаботьтесь, чтоб их покои были недалеко от часовни.

Сэр Торрекс преклонил колено и припал к его руке. Отец Дитрих перекрестил склоненную голову.

Лицо Великого Инквизитора оставалось встревоженным.

– Ну вот, – произнес он, – а вы, сэр Ричард, только что про незамутненное счастье.

Сэр Торрекс вскочил на коня и унесся, за ним усакал только один всадник, остальные бдили, охраняя сюзерена. Отец Дитрих обеспокоенно смотрел вдаль, словно видел нечто сквозь пространство далеко впереди, а увиденное тревожило еще больше.

Я спросил быстро:

– Что не так, святой отец?.. Мы установили власть над целым королевством – этого достаточно для пристального интереса со стороны Ватикана. К тому же оно на этой стороне Великого Хребта!

Он медленно и несколько неуверенно кивнул:

– Все так...

– Но что вас тревожит?

Он посмотрел на меня с сомнением:

– Из Ватикана нелегко путь. Там много опасных мест... Оттуда нелегко добраться в эти края. И всякий раз заранее предупреждают о приезде высоких гостей.

– Всякий раз?

Он кивнул:

– Да.

Я сказал осторожно:

– Если дороги столь опасны, гонцы могли и не добраться?

Он покачал головой:

– Они всегда добираются.

– Их защита столь совершенна?

Он отвел взгляд, у священников свои тайны, медленно наклонил голову.

– Пока еще, – произнес он осторожно, – не было случая, чтобы гонца Ватикана кто-то остановил или задержал. Или что-то.

В этот раз голос его был тверд.

С утра, хотя уйма дел, я проснулся с мыслью о прибывающих из Ватикана. И хотя явно не ко мне, это заботы отца Дитриха, однако нехорошее чувство, из-за которого проснулся на час раньше, лежит во мне, как тяжелая грязная льдина.

Вошли придворные, удостоенные чести быть допущенными к утреннему туалету моей светлости. Один взял в руки зеркало, другой открыл роскошную шкатулку из слоновой кости, там гребни и расчески, я посмотрел на их крайне важно-серьезные и даже торжественные лица, вздохнул и отказался от мысли создать чашку горячего крепкого кофе.

Мельком взглянув в зеркало, я сказал нетерпеливо:

– Хорош!.. А теперь уберите, я себя уже одобрил.

– Ваша светлость, а не желаете ли...

– Желаю, – обрубил я. – Одеться и за работу!

Их лица выразили неодобрение в разной степени, мне помогли зашнуровать жиппон, хотя могу и сам, привык же без оруженосца, я поблагодарил за помощь, все расступились, я направился к выходу, и стражи бесстрастно распахнули передо мною двери.

Хватит, стучит в висках. Гауграф, фрейграф, вильдграф – топтание на месте. Я же раньше как мчался, ветер ревел в ушах и старался оторвать их с головой вместе! А сейчас барахтаюсь, словно влетел с размаху в патоку, завяз, как муха, ползаю, крылья слиплись... Давно пора Кейдану ощутить, какой из меня подданный, пора мне самому узнать, что это за император такой странный на Юге, приглашающий в личную охрану лучших рыцарей из северных королевств...

В зале множество важных и пышно одетых господ, я шел быстро, держа взглядом дверь на той стороне, там по бокам такие же рослые часовые, а справа и слева слышится торопливое:

- Ваша светлость!
- Ваша светлость...
- Ваша светлость?
- Ваша светлость...

Голоса преисполнены почтения, хотя иду просто стремительно и ни на кого не смотрю. Понимают, что легко могу бросить взгляд и выхватить им того, кто произнес без должного уважения, а то и равнодушно. Хотя «Ваше Величество» звучит намного эффектнее, но здесь быстро сообразили, что реальная власть, пусть даже без соответствующих титулов, тоже весьма и весьма весомая вещь.

Только часовые не кланяются, так можно пропустить что-то опасное для лорда, да и спина заболит, где вельможные ходят, как гуси, стаями.

У королевского кабинета такие же часовые, я бы не отличил их от кейдановских, если бы барон Альбрехт еще в первый же день не сменил их надежными людьми из наших войск.

У двери встретил с поклоном сэра Жерар Макдугал, как всегда угрюмый и молчаливый.

Двери передо мной распахнули часовые. Церемониймейстер склонил голову в почтительном поклоне, но почему-то смолчал, я прошествовал в сияющее золотом пространство, пламя свечей отражается в золотых статуэтках, полированной поверхности стола, золотых украшениях на стенах и потолке.

Справа и слева с обеих сторон полыхает огонь в каминах, а еще один – у противоположной стороны демонстрирует россыпь крупных пурпурных углей, похожих на рубины сказочных размеров. Вообще-то я редко вижу здесь работающие каминные, все-таки Юг, но двое суток лили дожди, воздух настолько сырой и плотный, что в нем могут плавать мелкие рыбы.

Сэр Жерар вошел следом и остановился у двери. Не шевеля головой, он лишь поводил глазами, отслеживая мои передвижения по комнате.

Я отодвинул кресло от стола, настолько тяжелое, что не ударишь им оппонента по голове, опустил в него задницу, локти положил на стол, после чего вперил взор в сэра Жерара:

– Что нового?

Не меняя выражения лица, он произнес ровным голосом:

– Вчера прибыло письмо от Его Величества короля Барбароссы. Ему уже поступило множество жалоб на бесчинства ваших людей... Интересуется, так ли это.

Я переспросил:

– Откуда? Из Орифламме?

– Да, – подтвердил он, – из Сен-Мари.

– А почему Барбароссе?

– Вы его подданный, – напомнил он. – Хотя, конечно, теперь есть сложность, вы и подданный Кейдана, а также императора... гм... видимо, полагают, что Барбароссу послушаетесь лучше...

– Я из непутового поколения, – ответил я невесело, – без идеалов и почтения к старшим. Что за жалобы?

– Ваши люди отчуждают земли, – объяснил он бесстрастно, – присваивают замки и владения...

– Это с моего разрешения, – оборвал я. – Давай письмо.

– Вот, ваша светлость.

Я вскрыл пакет особым ножом для разрезания конвертов, хотя таким можно убить вепря или майордома, что тот еще кабан. Письмо накорябал сэр Маршалл, я узнал не только почерк, но и манеру, быструю и решительную. Королевский советник и в дипломатии остался все тем же турнирным бойцом, что не потерпел ни единого поражения, идет напролом, но не забывает и о защите.

Пробежав глазами текст, я велел:

– Напиши, я благодарен и все такое. Побольше пышностей. Барбаросса этого не любит, сразу разозлится и поймет, что дразню нарочито. А раз так, то наши отношения по-прежнему крепкие, я его чту и весьма даже повинуюсь. Если бы я что задумал, то рассыпался бы в любезностях, он не дурак, понимает. Под этим соусом попроси прислать больше священников. Можно один-два конных полка. И еще спроси, выполнен ли дополнительный заказ на композитные луки.

Он поклонился:

– Все сделаю, ваша светлость.

– Только потом мне на редактуру, – сказал я строго. – Должен я видеть, что пишу, или не должен?

– Должны, – ответил он с поклоном, но по его непроницаемому лицу я видел, что это какая-то блажь с моей стороны. – Я исправлю, если вам вдруг не понравится.

– Сам исправлю, – буркнул я.

Пока я просматривал прочую почту, жалобы, прошения, он писал старательно, наконец, скатав плотный лист в трубочку, почтительно подал мне, сам терпеливо ждал, пока разогреется сургуч, капнул жирно, я вытащил из стола большую печать и аккуратно сделал оттиск, запечатывая края.

– Отправить немедля, – распорядился я.

– Будет сделано, ваша светлость.

– Сэра Альбрехта ко мне!

– Сейчас пришлем, ваша светлость.

Барона искали недолго, он вошел и остановился в дверном проеме, давая собой полюбоваться, затем склонился в грациозном поклоне и витиевато помахал шляпой.

– Заходите, сэр Альбрехт, – сказал я. – Что это вы с такими церемониями? Старые боевые друзья вправе заходить без стука и без этих поклонов.

Он вошел, сдержанно ухмыляясь и горделиво постукивая подковками на каблуках сапог.

– И не показывать это сложное приветствие, что я недавно выучил?

– А зачем вам оно?

– Нравится, – ответил он. – Чем человек глупее, тем и приветствия у него проще.

– А мне тогда что, – спросил я, – всякий раз в двойной морской узел завязываться?

– Вам проще, – сказал он. – Сюзерены выше вычурных поклонов. Достаточно и простого кивка.

– А в морду?

Он поморщился:

– Это уже фамильярность. Избегайте.

Его кожаный жиппон весь расшит бисером, ровными такими линиями, что красиво изламываются при любом движении. Даже двойной стоячий воротник по торцу украшен этими крохотными застывшими капельками божьей росы, из-за чего его умное лицо постоянно в обрамлении благородно сияющих без всякого наглого блеска чудесных капелек света.

Скрепляющую воротник застежку ювелиры сумели превратить в произведение искусства, вдобавок к ней подцепили три жемчужины, и сэр Альбрехт не просто великолепен, на этот раз вообще неотразим.

Я кивнул на кресло по другую сторону стола:

– Садитесь, вводите в курс дела. Что-то народу здесь прибавилось... Вина? Или позавтракаете со мной?

Он сел с деликатностью, красиво и элегантно расправив складки одежды на заднице.

– Да, когда вы пошли в народ, залы были пустыми. Спасибо, вы в самом деле прямо из постели за стол с бумагами?

Я поморщился:

– И какого ангела сейчас залы заполнились?

Он пояснил с легкой усмешечкой:

– Ваши придворные, сэр Ричард. Спасибо за приглашение, сэр Ричард. Но на будущее не приглашайте кого попало разделить с вами завтрак или обед. Это великая честь, за это должны бороться. А мне сегодня придется объясняться, почему именно меня пригласили отзавтракать. Придется сказать, что наш майордом дурак, правил не знает...

– Так и скажите, – посоветовал я.

Он вздохнул:

– С огромным удовольствием бы, да нельзя. Тем самым признаюсь, что служу такому... гм. Увы, мы все в этой стране повязаны одной крепкой веревкой.

Слуги подходили, бесшумные, как призраки летучих мышей, преклоняли колена, держа подносы на виду. Мы указывали, что и сколько переложить на наши тарелки. Они в той же коленопреклоненной позе выполняли указания, поднимались, еще раз кланялись почтительнейшим образом, удалялись совсем неслышно, словно испарялись прямо от стола.

– Вина? – поинтересовался я.

Он покачал головой:

– Благодарю, но если можно, и мне того же, что вы пьете с утра и называете не вином.

В моих руках образовалась глиняная чашка, я спохватился, вылил кофе в большую серебряную чашу, остальное добавил уже туда. Барон с интересом смотрел, как чуть позже в чаше перед ним поднимается почти черная жидкость.

– Спасибо, сэр Ричард, – сказал он серьезно. – И за доверие, кстати.

– Раньше вы этого напитка боялись, – напомнил я.

– Просто осторожничал, – уточнил он. – Я вообще человек нерисковый. А придворные вообще-то не зря... Правителю необходима свита. Даже деревенский староста выходит к людям в сопровождении... в сопровождении... Кто его сопровождает? Обычно какой-то дюжий мужик, готовый по его взгляду или жесту наводить порядок. Тем самым доказывая, что староста – власть. Чем человек выше, тем свита больше. И знатнее. Вы можете гордиться, сэр Ричард...

– Чем?

– По слухам, свита у вас побольше, чем сейчас у Его Величества!

Я удивился:

– У меня есть свита?

– Ну да, – подтвердил он. – Только вы ее не замечаете почему-то.

Я недовольно отмахнулся:

– В этом я не хочу тягаться с Кейданом. Пусть будет у него хоть в десять раз больше. Я не против. Зачем эти люди во дворце, не понимаю! С утра до вечера толпятся в обоих залах. Да что там в обоих – везде, как тараканы! Это что, соискатели работы?

Он повторил с недоумением:

– «Работы»?.. Что вы, сэр Ричард! Просто так положено! Они своим появлением оттеняют вашу мощь, ваше влияние, вашу значимость. А работу... гм... почти все хотели бы получить от вас еще земли, должности, льготы, но не думаю, что найдется такой, кто ищет работу.

– Дураки, – проворчал я, – ничего не понимают! Отдыхать не так интересно, как работать.

– Смотря что за работа, – уточнил он.

Я посмотрел зверем:

– Полагаете, у меня медом намазано? Ничего подобного! Когда был простым рыцарем, пусть даже с одним-двумя замками, как я счастливо и беспечно несея по миру на Зайчике! А теперь туда нельзя, то не делай, этого не тронь...

Он добавил в тон:

– А простому можно и трогать, и щупать, и подол задирать...

Я отмахнулся:

– Поверьте, барон, об этом я подумал в первую очередь. Хоть и не сказал из природной скромности. Мы такие, всегда на новом месте по сторонам вот так смотрим.

– И что? – произнес он спокойно. – Красивых женщин много. Даже очень, я бы сказал, красивых. В Армландии таких ухоженных и... гм, подготовленных я просто не встречал.

Я сказал сквозь зубы:

– Увы, нельзя. Для солдата женщины – удовольствие и забава, для политика – подводные рифы. А я, будь неладна такая жизнь, уже политик больше, чем солдат.

Он посмотрел понимающе:

– А-а-а, вот для чего вы переодеваетесь в простого горожанина и пропадаете на несколько суток?

Я вздохнул:

– Ну да, а как же. Вы все угадали верно, барон! Какой вы проницательный...

Глава 12

Присутствие слуг ощущалось только в моменты, когда исчезали пустые тарелки и появлялись новые. Кувшин с вином возник ниоткуда, однако барон с удовольствием потягивал горячий кофе, довольно шурился, а уже потом, вопреки всяким правилам застолья, принялся за жареную телятину.

Ел спокойно, с достоинством, его невозможно представить себе с довольным ревом набросившимся на пищу в стиле сэра Растера или разрывающим обеими руками печеного гуся.

Я поглядывал на слуг и думал с завистью, что в Армландию такая выучка придет не скоро. Слуги, а держатся с достоинством герцогов, что только подчеркивает высокий ранг того, кому служат.

– Как насчет дворца? – заметил он как бы невзначай.

– А что с ним не так? – переспросил я.

Он бросил беглый взгляд на мое лицо, снова уткнул его в блюдо.

– Если вернется Его Величество, – обронил он так же небрежно, – переедете в какой-то иной?

– Собирался, – ответил я честно. – Уже велел присмотреть достаточно крупный и в хорошем месте... чтоб охрану поставить, и все такое.

– Дворец из тех, – уточнил он, – чьи хозяева последовали за Кейданом?

– Точно, – сказал я, – но сейчас понимаю, что они тоже могут вернуться. И как я уступлю королевский дворец Кейдану, так должен уступать дома и владения его приближенным. А там, глядишь, потребуют отобрать те земли, что я роздал своим лордам и рыцарям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.